Отрывки изъ воспоминаній Бекетова.

Перехожу къ тому, кто были сосѣди отца моего.

Ближайшимъ былъ С. Г. Селивановскій, о которомъ я уже упомянулъ и еще буду говорить не разъ. Затѣмъ помню отставнаго полковника, старика, довольно высокаго и плотнаго, Петра Симоновича Норманъ. Смутно еще помню семейство какихъ-то дворянъ Бедяшевыхъ. Затѣмъ сосѣдомъ съ другой стороны улицы, упиравшейся въ ворота дачи отца, былъ какой-то Чикунъ, кажется отставной солдатъ, занимавшійся корчемствомъ. Остальные немногочисленные обитатели слободы были штатные служители Симонова монастыря. О священникѣ и причтѣ церкви, что на старомъ Симоновѣ, упомяну впослѣдствіи, но о мѣстной полиціи своевременно будетъ сказать нѣсколько словъ теперь же. Составъ ея былъ замѣчателенъ: частный приставъ, помнится, Митрофановъ, былъ тучный человѣкъ съ краснова̀тымъ полнымъ лицемъ, перекосившимся отъ удара. Квартальный, по прозвищу „дубовый“ былъ высокій и плотный человѣкъ съ лицомъ крайне тупымъ и грубымъ; онъ не могъ связно сказать трехъ словъ Будочникъ, по прозвищу „ворона“, былъ толстогубый идіотъ, очень смирный. Унтеръ-офицеръ, какъ тогда называли — „хожалый“, былъ иного свойства: лицо

его было серьезно и, если бы не вглядѣться въ выраженіе глазъ его, показалось бы неглупымъ, но глаза выражали помѣшательство. Прозвище этому господину было громкое — „царь". Его назвали такъ потому, что онъ считалъ себя и называлъ, что слышалъ я самъ, мужемъ императрицы Екатерины II-й. „Это все было мое, говорилъ онъ, указывая на деревни Котлы, Кожухово и т. д., но не на Москву. Онъ грубилъ квартальному и билъ будочника безнаказанно, пока однажды не перешелъ границъ; тутъ ужъ онъ побилъ квартальнаго (ужаснаго труса) и разрубилъ алебардою голову несчастному будочнику, но неглубоко. Прислано было нѣсколько казаковъ взять пепстоваго; онъ хотѣлъ защищаться топоромъ, но пока онъ наклонялся за нимъ подъ лавку, казаки схватили его; онъ успѣлъ однакожъ ударить ногою одного изъ казаковъ въ лицо такъ сильно, что выбилъ нѣсколько зубовъ. Имъ овладѣли и увезли; дальнѣйшая участь его мнѣ неизвѣстна.

Едва не пропустилъ совсѣмъ еще одного изъ числа жившихъ въ домѣ отца моего, въ качествѣ чего не припомню, кажется въ качествѣ старшаго ветерана на покоѣ. Это былъ дѣйствительно старый ветеранъ,—Исай Семеновичъ, сухой и бодрый старикъ, средняго роста, съ котлетообразными бакенбардами, безъ усовъ. Кажется, онъ служилъ въ Фанагорійскомъ полку; знаковъ отличій было у него съ лежину: и очаковская медаль, и георгіевскій крестъ, и не помню что еще, но много, много медалей. И. С. дѣлалъ съ Суворовымъ если не всѣ, то большую часть походовъ; участвовалъ въ походѣ 1799 г. въ Италію и въ Швейцарію. Исай Семеновичъ любилъ дары Вакха, и знаки отличія рѣдко украшали грудь старца ветерана, находясь большею частію у какого нибудь шинкаря, въ обезпеченіе долга. Бѣдный будочникъ „ворона" нерѣдко подвергался побоямъ отъ стараго забіяки; но лишь однажды, когда тотъ прибилъ его уже очень исправно, рѣшился явиться съ жалобой къ отцу моему. Куда дѣвался Исай—рѣшительно не помню.

Изъ числа лицъ, посѣщавшихъ отца, память прежде всего рисуетъ мнѣ колоссальный образъ главнаго доктора Павловской больницы, Ильи Богдановича Охерналя. Это былъ плотный господинъ, вершковъ 12, если не болѣе, ростомъ, среднихъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ постояннымъ медикомъ моего отца и, какъ я слышалъ, спасъ меня отъ смерти, когда мнѣ было около шести недѣль. Спасеніе мое приписывалось назначенной имъ ваннѣ изъ теплой воды съ примѣсью извѣстнаго количества мадеры. Убѣжденіе, что я обязанъ спасеніемъ вину, повело къ тому, что съ ранняго дѣтства, какъ я запомню, мнѣ за обѣдомъ давалась рюмка легкаго вина. Говорили, что лѣтъ до двухъ я очень боялся Охернали, потому что онъ совершилъ надо мною операцію оспопрививанія. Впослѣдствіи я къ нему привыкъ и полюбилъ его.

Отецъ мой иногда подшучивалъ надъ опасливостью и излишнею осто-

рожностью почтеннаго Ильи Богдановича, храбрость котораго, повидимому, не была пропорціональна его тѣлосложенію. Онъ, напр., съ опасеніемъ переѣзжалъ на лодкѣ черезъ рѣку, которая обыкновенно въ этомъ мѣстѣ была такъ мелка, что не могла бы никакъ поглотить такого гиганта: вода не достала бы ему и до пояса; отъ перевоза никогда не приходилъ къ намъ одинъ, но въ сопровожденіи мальчика лѣтъ 12—13, котораго бралъ съ собой „на всякій случай". Оговариваюсь, что вышесказанное не есть мое мнѣніе объ Охерналѣ, а лишь отголосокъ слышаннаго.

Послѣ Охерналя первый изъ числа посѣщавшихъ отца моего И. И. Дмитріевъ: я помню его уже, будучи еще пятилѣтнимъ ребенкомъ, но видавъ его несравненно рѣже, не могъ такъ твердо запомнить. Какъ теперь смотрю на его высокую, величавую фигуру, на его спокойное, умное лицо, внушавшее уваженіе. Онъ былъ всегда ровенъ, нельзя сказать сдержанъ, нѣтъ, но сдержанность и самообладаніе настолько выработали его характеръ, настолько сдѣлались его второю природою, что въ преклонныхъ лѣтахъ онъ, кажется, не имѣлъ уже надобности себя сдерживать. Въ двухъ случаяхъ я коснусь еще этого, а теперь возвращусь къ его наружности, которой далеко еще не описалъ. Черепъ Дмитріева, хорошо развитый, былъ почти совершенно обнаженъ, и И. И. носилъ густой парикъ, сѣдой, но не бѣлый, съ короткими, зачесанными кверху, волосами надо лбомъ и приглаженными впередъ на вискахъ. Цвѣтъ лица его былъ немного красноватъ, глаза сѣро-голубые, умные, холодные; Дмитріевъ имѣлъ привычку прищуривать одинъ глазъ, чтобы по возможности скрыть косоглазіе, довольно сильное, что видно на портретѣ, рисованномъ Тончи. Живописный портретъ Дмитріева, работы Кинеля, въ свое время навѣрно былъ очень похожъ. Носъ И. И. былъ великъ, но недурной формы; губы тонки и нѣсколько сжаты. Держался онъ прямо и сановито, но безъ всякой натяжки. Одѣвался онъ тщательно, просто; чаще всего можно было видѣть его во фракѣ сѣраго цвѣта, точнѣе—грифельнаго. Звѣзды носилъ онъ, какъ и всѣ тогда, постоянно.

Такова была внѣшность Дмитр. Въ свое время онъ пользовался значительною литературною извѣстностью, съ полнымъ на то правомъ, весьма несправедливо теперь оспариваемымъ. Всякій безпристрастный цѣнитель, стоя на исторической почвѣ, согласится со мною, зная, въ какое время началъ свое литературное поприще Дмитріевъ, и какъ писали его современники, по крайней мѣрѣ большинство. „Чужой толкъ", „Модная жена" и т. д. и теперь еще не покажутся безпристрастному читателю слишкомъ устарѣвшими. Оды его — другое дѣло.

Описывая наружность Дмитріева, я забылъ упомянуть о томъ, что гдѣ-то въ журналѣ, лѣтъ за 15 или больше, было сказано, что онъ былъ рябъ. М. А. Дмитріевъ возражалъ на это, возстановляя истину. И. И. не былъ рябъ, но М. А. былъ дѣйствительно нѣсколько рябоватъ.

Ив. Ив. служилъ въ военной службѣ до капитанскаго чина, потомъ родъ службы его измѣнился. При Александрѣ 1-мъ онъ занималъ нѣкоторое время должность министра юстиціи, а потомъ былъ сдѣланъ сенаторомъ.

Отецъ мой представлялъ меня не всѣмъ своимъ роднымъ; я не былъ представленъ даже Ивану Петровичу Бекетову, родному брату моего отца. И тогда былъ еще малъ, и вѣроятно отецъ надѣялся представить меня впослѣдствіи, но И. П. былъ домосѣдъ, и потому ли, по другой ли причинѣ во второй разъ уже не былъ у отца, хотя жили они съ небольшимъ въ двухъ верстахъ И. П. лицомъ былъ похожъ нѣсколько на моего отца, но лицо его было красивѣе. Вотъ все, что я помню о его наружности.

Вначалѣ я упомянулъ о братьяхъ моего отца въ двухъ-трехъ словахъ; теперь слѣдовало бы описать ихъ, насколько нужно, но прежде чѣмъ приступлю къ этому, скажу нѣсколько словъ о моемъ дѣдушкѣ съ отцовской стороны и вообще о томъ и о тѣхъ, о комъ нахожу нелишнимъ.

Отецъ мой никогда не распространялся о своей родословной и только, т. ск., случайно упомянулъ однажды, что однимъ изъ стрѣлецкихъ сотниковъ, посланныхъ довершить покореніе Сибири по смерти Ермака, былъ родоначальникъ Бекетовыхъ „Баимъ", (а онъ Петръ) какъ сказано было гдѣ то. Баимомъ называли его сибирскіе татары и другіе инородцы. Отсюда Бекетовы. Отецъ моего отца, Петръ Аѳанасьевичъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника, за ранами: въ семилѣтнюю войну ему пулею раздробило руку, если не ошибаюсь — правую. Онъ женился на дворянкѣ Репьевой, которая, подаривъ ему сына, моего отца, скончалась. П. А. вступилъ во второй бракъ съ Ириною Ивановною Мясниковою, дочерью колоссально богатаго заводчика, имѣвшаго до 80 т. душъ крестьянъ и заводовъ. Отсюда громадное состояніе Бекетовыхъ, которое дробясь еще обогатило многихъ. Отцу моему богатство это, до него не коснувшееся, было источникомъ многихъ неудобствъ. Сестры И. И. вышли замужъ: Екатерина Ивановна за Г. Козицкаго, а овдовѣвъ — за князя Бѣлосельскаго.

У П. А. былъ братъ, Никита Аѳанасьевичъ, очень красивый молодой человѣкъ. Онъ обратилъ было на себя благосклонное вниманіе императрицы Елисаветы, но по разсказу . . . . . .

Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ астраханскимъ губернаторомъ.

У отца моего въ числѣ портретовъ былъ и его; онъ былъ, какъ и другіе, писанъ масляными красками, довольно плохо. На груди былъ шовъ въ $^1/_4$ вершка длиною. „Отчего это?" спросилъ я однажды отца. „Вотъ отчего, сказалъ онъ: Пугачевъ съ своими шайками пришелъ въ имѣніе дяди Отраду, за Сарептою, и расположился въ его домѣ. Увидѣвъ портретъ, онъ подошелъ къ нему, посмотрѣлъ и сказавъ: „человѣкъ то онъ недурной, да другъ Орловыхъ!" — вынулъ саблю и прокололъ портретъ".

Объ Иринѣ Ивановнѣ Бекетовой я уже упомянулъ вначалѣ моего разсказа. Къ ней отецъ мой ѣздилъ часто, если не ежедневно; тамъ видался онъ съ братьями и иногда, вѣроятно, и съ другими родственниками. Выѣзжалъ онъ постоянно. Не помню, была ли больна И. Ив., или кончила существованіе просто физіологическимъ актомъ угасанія, какъ угасаетъ лампада, изъ которой выгорѣло все масло, но отецъ привезъ однажды извѣстіе о ея кончинѣ. Между братьями моего отца долженъ былъ произойти раздѣлъ, и посредникомъ (медіаторомъ, какъ выражались тогда) былъ избранъ мой отецъ, какъ человѣкъ честный и безпристрастный. Раздѣлъ не обошелся безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Наслѣдство было значительно: около 15 т. душъ крестьянъ и два завода: мѣдиплавильный и желѣзодѣлательный, дававшіе дохода, по тогдашнему счету на ассигнаціи, приблизительно по полумилліону; къ нимъ приписано было по нѣскольку тысячъ заводскихъ рабочихъ; кромѣ того, дома, значительное количество мѣди, много серебра, цѣнныхъ вещей и около милліона наличныхъ денегъ.

Заводы слѣдовало раздѣлить, но кому какой? Иванъ Петровичъ, ясно понимая превосходство мѣднаго завода надъ желѣзнымъ, желалъ бы получить первый, но желать было недостаточно, нужно было устроить такъ, чтобы П. П. предпочелъ мѣдному заводу желѣзный. Этотъ послѣдній по бумагамъ могъ казаться пожалуй и выгоднѣе, и И. И. надѣялся, что братъ, не отличавшійся особенною проницательностью, увлечется и выберетъ желѣзный. На дѣлѣ вышло не такъ: П. П., несмотря на все своенравіе и упорство, вѣроятно по совѣту людей, понимавшихъ дѣло, выбралъ мѣдный заводъ. Для И. П. это было громовымъ ударомъ: онъ былъ, какъ говорили, долго увѣренъ въ томъ, что заводъ этотъ достанется ему, что приписалъ къ нему нѣсколькихъ человѣкъ, которыми дорожилъ. Это было крайней неосторожностью со стороны такого умнаго человѣка и могло имѣть вліяніе на выборъ, показавъ П. П., что братъ считаетъ одинъ изъ заводовъ какъ бы своимъ. Какъ бы то ни было, фактъ совершился, и И. П., обманувшемуся въ разсчетахъ, пришлось еще просить и долго просить П. П. о позволеніи отписать отъ завода людей, такъ неосторожно къ нему прикрѣпленныхъ. П. П. не скоро согласился, но наконецъ уступилъ.

Далѣе раздѣлъ шелъ довольно мирно и безъ всякихъ столкновеній, исключая того момента, когда дѣло дошло до конверта съ билетами и деньгами, содержаніе котораго превышало сумму 900 т. р. Тутъ произошелъ довольно странный скандалъ, свидѣтелями которому—привлеченные криками—сдѣлались мой отецъ и еще нѣсколько человѣкъ, кто именно—не припомню, за исключеніемъ Круглова, бывшаго у Ирины Ивановны однимъ изъ довѣренныхъ лицъ, чѣмъ то вродѣ адвоката. При входѣ отца моего, Ив. и П. П., тянувшіе пакетъ

изъ рукъ одинъ у другаго, устыдясь выпустили его, и онъ упалъ на столъ. Раздѣлъ наконецъ пришелъ къ окончанію, и отецъ мой за свое посредничество получилъ подарокъ отъ братьевъ: двѣ тысячи серебряныхъ рублей.

Положеніе дѣлъ моего отца въ это время было печальное: состояніе его отъ матери и отца, простиравшееся до 900 душъ, теперь заключалось въ одномъ имѣніи, не припомню Пензенской губерніи или Симбирской, обремененномъ долгами.... Садъ въ Симбирскѣ, дававшій прежде 800 р. дохода, давалъ теперь лишь 25. Затѣмъ дача, библіотека, около 6 т. томовъ, не очень большое собраніе хорошихъ эстамповъ, да на нѣсколько тысячъ золотыхъ и серебряныхъ вещей — вотъ все, чѣмъ обладалъ въ это время мой отецъ. Кромѣ долговъ, лежавшихъ на имѣніи, отецъ былъ должемъ еще по заемнымъ письмамъ. Почти все упомянутое имущество отца моего было мертвымъ капиталомъ, оставаясь въ рукахъ его, а продать дачу, напримѣръ, онъ не желалъ, какъ свое, т. ск., созданіе и съ тѣмъ вмѣстѣ тихое убѣжище, которое естественно дорого старику, утомленному жизнью и желающему остатокъ дней провести въ своемъ старомъ привычномъ гнѣздѣ. Извѣстная Екатерина Владиміровна Новосильцова предлагала черезъ кого-то отцу уступить ей дачу за 25 т. р. асс., что съ лѣсомъ составляло въ то время болѣе 30 т. Отецъ отклонилъ предложеніе, сказавъ, что желалъ бы здѣсь кончить дни. Съ библіотекою отецъ не разстался бы безъ самой вопіющей крайности, да и нелегко продавать библіотеку: купить ее всю почти невозможно найти охотника; по частямъ—но тогда выберутъ лучшее, а остальное придется продавать едва ли не на вѣсъ. Оставались эстампы: правда, тогда любителей было болѣе, нежели теперь (я не говорю—знатоковъ), но и тутъ было бы то же, что съ книгами. Золотыхъ и серебряныхъ вещей у отца было немного, и продажею ихъ нельзя было ни поправить дѣлъ, ни существовать: этого не достало бы и на годъ. Итакъ, положеніе дѣлъ моего отца было плохо, очень плохо. Но знаю, перешло ли послѣднее имѣніе отца моего въ частныя руки за долгъ, было ли продано съ аукціона, но отецъ его лишился. Чтобы жить чѣмъ нибудь, онъ рѣшился прибѣгнуть къ займу, разумѣется съ обезпеченіемъ, и занялъ у Г. Г. В. нѣсколько тысячъ рублей, сколько именно—не припомню, обезпечивъ долгъ своимъ собраніемъ эстамповъ. Теперь, я увѣренъ, сдѣлать это было бы труднѣе. Такъ, на нѣсколько времени, конечно ненадолго, отецъ получилъ средства къ жизни.

Пора мнѣ возвратиться къ разсказу о самомъ себѣ, но впослѣдствіи я скажу, возможно короче, отчего произошло разстройство дѣлъ отца.

Вскорѣ, послѣ прочтенія моего четверостишія о Зюльмѣ Дмитріевымъ, я получилъ въ подарокъ отъ Мих. Ал. русскую грамматику, новѣйшую и въ то время лучшую, съ слѣдующею надписью, сдѣланною рукою М. Алекс:

„Учись, познай языкъ обширныя державы:
Въ немъ Русскому открытъ источникъ новой славы.
Какъ знать, куда ведетъ тебя сей первый шагъ?
Быть можетъ, нѣкогда, слоговъ и буквъ читатель
Къ несчастью ль, къ счастію ли ты будешь и писатель.
Прими же опытный совѣтъ мой въ сихъ строкахъ.
Не бойся критиковъ; быть критикомъ — страшися:
Два слова истины опаснѣе стократъ
Чѣмъ злоба зависти, иль ненависти ядъ.
Для дружбы, для себя, въ молчаніи трудися,
И знай, что потонутъ забвенія въ рѣкѣ
Спокойнѣе, чѣмъ быть у всѣхъ на языкѣ."

Ив. Ив. подарилъ мнѣ томъ своихъ стихотвореній, прекрасно изданныхъ, въ хорошемъ переплетѣ, съ надписью: „милому Сашенькѣ". „Литературный успѣхъ" придалъ мнѣ новое усердіе къ занятіямъ стихотворствомъ, и въ свободное время я неутомимо кропалъ стихи. Время отъ времени отецъ спрашивалъ меня самъ объ новыхъ моихъ произведеніяхъ, иногда я приносилъ ему мои вирши самъ и читалъ усердно, стараясь придать выраженіе моему маранью. Отецъ, снисходительно и терпѣливо выслушавъ мое чтеніе, говорилъ обыкновенно: „ну, продолжай, продолжай, совершенствуйся", или просто: „продолжай, продолжай". Иногда впрочемъ прибавлялъ: „ну, хорошо, хорошо, продолжай".

Учился я прилежно и — скажу безъ ложной скромности — успѣшно. Французскому языку только училося я не совсѣмъ-то охотно и безъ большаго успѣха, хотя училъ ему меня самъ отецъ, или, лучше сказать, именно потому, что онъ ему училъ меня. Отецъ зналъ языкъ этотъ въ совершенствѣ, со всѣми тончайшими оттѣнками, но что касается до умѣнья преподавать, оно далеко не равнялось у него знанію языка: преподавалъ онъ положительно плохо. Между тѣмъ мой почтенный наставникъ Воскресенскій получилъ выгодное мѣсто по своей спеціальности землемѣра и отправился туда. Онъ былъ замѣненъ другимъ, и замѣнъ этотъ былъ для меня благотворенъ.

Еще прежде этого замѣна отецъ пригласилъ давать мнѣ уроки рисованія Александра Петровича Некрасова, живописца, который уже прежде работалъ для отца: писалъ ему образа, написалъ съ меня два портрета, и т. д. Некрасовъ былъ живописецъ посредственный, но для начала и его было достаточно. Я уже рисовалъ и до него самостоятельно, и во мнѣ замѣчали очень порядочныя способности. Теперь началось уже ученье, болѣе или менѣе правильное. Я занялся имъ съ большимъ усердіемъ, съ жаромъ, и вскорѣ наставникъ мой, скупой на похвалы и выражавшій ихъ почти всегда въ отрицательной формѣ, напр.: „да, не гнусно! не совсѣмъ отвратительно!" и т. п.—началъ

нарѣдка выражать ихъ въ формѣ положительной, хотя крайне сдержанно: „а вѣдь это пожалуй, можно сказать, нарядно, почти хорошо", и т. п. Господинъ онъ былъ мало образованный и развитой еще менѣе, но любилъ чтеніе романовъ и относился къ нимъ строго, хотя не всегда вѣрно критически. Былъ онъ человѣкъ средняго роста и лѣтъ, съ кирпично-рыжими волосами, и всегда почти плохо выбритой бородой; одѣвался плохо. Онъ-то рекомендовалъ моему отцу новаго для меня учителя. Это былъ Иванъ Васильевичъ Богдановъ, чиновникъ дворцовой конторы или, какъ называли тогда, кремлевской экспедиціи. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ 35-ти, хорошаго средняго роста, брюнетъ, съ красивымъ и, т. ск., степеннымъ лицемъ, съ мыслящимъ и добродушнымъ выраженіемъ, и пріятными темными глазами. Образованіе его было довольно основательное: онъ былъ семинаристомъ, а потомъ, кажется, студентомъ московскаго университета. Извѣстно, что изъ семинарій, лѣтъ за 50 тому назадъ, выходили люди лучше подготовленные, нежели въ ближайшее къ намъ время. Я говорю вообще: исключенія конечно есть всегда и вездѣ. Французскимъ лишь языкомъ Богдановъ владѣлъ очень плохо, за недостаткомъ какъ подготовки, такъ и практики.

Занятія мои съ нимъ пошли лучше, нежели съ Воскресенскимъ, какъ потому, что преподавалъ онъ несравненно лучше и серьезнѣе, такъ и потому, что я болѣе ему симпатизировалъ. При немъ и литературныя мои занятія пошли лучше: я показывалъ ихъ Богданову, онъ оцѣнивалъ ихъ критически, поправлялъ, давалъ мнѣ дѣльные совѣты.

Я не упомянулъ еще о томъ, что отецъ мой по смерти мачихи, вдругъ, послѣ раздѣла, пересталъ выѣзжать и сдѣлался совершеннымъ домосѣдомъ. Причиною было отчасти то, что теперь онъ не могъ видаться, какъ прежде, съ братьями и родными въ одномъ мѣстѣ. Но вѣроятно еще болѣе вліяло на это прекращеніе выѣздовъ дурное положеніе дѣлъ. Сколько помню, отецъ не говорилъ этого, но впослѣдствіи я сталъ догадываться, что онъ ожидалъ при раздѣлѣ, что братья, получая состояніе такое значительное и зная безвыходное положеніе его, догадаются удѣлить малую часть своихъ богатствъ на поддержаніе роднаго, хотя и не единоутробнаго брата. Они и удѣлили 2 т. рублей, но для поправленія дѣлъ отцу этого было недостаточно.

Отцу Богдановъ очень понравился; и сдѣлавшись домосѣдомъ, рѣдко кѣмъ либо посѣщаемый, онъ часто приглашалъ Богданова обѣдать, по окончаніи нашихъ занятій. Большею частію Богдановъ принималъ приглашеніе и лишь нарѣдка отказывался, ссылаясь на занятія служебныя.

Время отъ времени къ отцу моему пріѣзжалъ съ кипою книгъ Петръ Егоровичъ Котельниковъ, ремесломъ букинистъ, но, какъ говорили, занимавшійся кой-чѣмъ и другимъ: онъ состоялъ будто-бы агентомъ тайной полиціи. Былъ

ли онъ дѣйствительно или нѣтъ, не знаю, но впослѣдствіи, припоминая личность Котельникова, я не могъ не согласиться, что это по крайней мѣрѣ правдоподобно. Не могу не описать его наружности. Это былъ сухой, очень сухой человѣкъ, средняго роста, лѣтъ съ вида 46-ти, брюнетъ съ просѣдью. Лицо его было желтовато-смугло, морщинисто, густыя, темныя брови почти сходились, пронырливые глазки смотрѣли бойко и нахально изъ подъ нависшихъ бровей; орлиный сухой заостренный носъ спускался на впалую верхнюю губу, а нижняя, сильно выдавшаяся, дѣлала его физіономію настоящ. casse-noisette; отъ носа и угловъ рта шли крупныя морщины. Когда-то этотъ господинъ былъ вѣроятно полонъ, потому что подъ заостреннымъ его подбородкомъ видѣлись двѣ крупныя складки, намекавшія на былое существованіе двойнаго подбородка. Одѣтъ онъ былъ постоянно въ синій фракъ съ блестящими бронзовыми пуговицами. Бѣлье его постоянно было засыпано табакомъ и испещрено каплями коричневаго цвѣта, нерѣдко украшавшими острый кончикъ его носа. Таковъ былъ П. Е. Котельниковъ съ внѣшней стороны.

Духовныя качества его отчасти выражались уже на его физіономіи; онъ былъ хитеръ, лукавъ, дерзокъ, нахаленъ, хвастливъ, лживъ, не имѣлъ повидимому никакихъ убѣжденій, а еще менѣе вѣры. Когда-то онъ примыкалъ къ московскимъ масонамъ, но въ качествѣ чего? — этого я не могъ добиться ни отъ отца, ни отъ самого Котельникова. Всего вѣроятнѣе — въ качествѣ шпіона. Отецъ иногда спрашивалъ его о комъ нибудь изъ масоновъ, и почти всегда о Походяшинѣ, къ которому относился съ уваженіемъ, тогда какъ Котельниковъ едва удерживался отъ презрительныхъ насмѣшекъ надъ тѣмъ же лицомъ, вслѣдствіе того, что отецъ ему весьма серьезно сказалъ однажды, что въ его присутствіи проситъ П. Е. воздержаться отъ такихъ выходокъ. Извѣстно, что Походяшинъ, благоговѣя передъ извѣстнымъ масономъ Новиковымъ, отдалъ въ его распоряженіе почти все свое милліонное состояніе на дѣла благотворительныя и умеръ почти въ бѣдности, благоговѣйно созерцая портретъ Новикова, висѣвшій возлѣ его кровати.

Къ сожалѣнію я такъ смутно помню отрывочные разсказы Котельникова о масонахъ, что не могу ничего помѣстить, но лживость этого человѣка была такова, что вѣрить ему можно было лишь съ крайней осторожностью. Всѣ домашніе наши терпѣть его не могли и служили неохотно.

Теперь я долженъ упомянуть о двухъ человѣкахъ, которыми увеличилась прислуга отца. Одинъ былъ привезенъ еще изъ имѣнія, молодой крестьянинъ Лазарь, плотный, неуклюжій парень, притворявшійся нѣкоторое время глухимъ, чтобы избавиться отъ служительскихъ обязанностей. Другой, Козьма Іоновичъ Соколовъ, взятый отцомъ отъ П. П., который, прогнѣвавшись за что-то, хотѣлъ отправить Соколова на заводъ. Этотъ бросился къ отцу и умолялъ его изба-

вить отъ „каторги". Отецъ выпросилъ его у брата, и на первое время Соколовъ велъ себя хорошо, ловко и расторопно исполняя всѣ порученія. Соколовъ по ремеслу былъ парикмахеръ и кажется педурной, но брался за все, что ему ни поручали. Это былъ человѣкъ лѣтъ уже подъ 60, но очень еще бодрый, проворный, крѣпкій, съ едва замѣтною просѣдью. Лицо его не отличалось никакими особенностями, но физіономія была недюжинная, по выраженію; — выработанное, сдержанное, не безъ примѣси нѣкотораго нахальства, но довольно хорошо замаскированнаго, лукавства, насмѣшливости, холодности; взглядъ зоркій и внимательный, губы тонкія; лицо всегда тщательно выбритое, моложавое. Таковъ былъ Соколовъ. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ онъ считать себя довольно утвердившимся и пріобрѣвшимъ довѣріе, впрочемъ относительное, потому что отецъ зналъ его не съ лучшей стороны, онъ началъ обнаруживать одно за другимъ свои похвальныя качества. Ему поручено было (производить) покупать провизію для стола и другіе необходимые для домашняго употребленія предметы: онъ началъ отсчитывать себѣ за коммиссію процентовъ по 20, 30 и болѣе. Наконецъ отецъ вышелъ изъ терпѣнія и поручилъ другому покупки. С. поприсмирѣлъ, чувствуя, что Дамоклесовъ мечъ виситъ еще надъ его головою, и что стоитъ только отцу возвратить его П. П., — тотъ сошлетъ его на заводъ. Но довольно о Соколовѣ: я буду вынужденъ возвратиться къ нему еще не разъ.

Около этого же времени постояннымъ врачемъ отца моего сдѣлался случайно Ѳедоръ Даниловичъ Шпейдеръ. Помнится, что онъ былъ частнымъ лѣкаремъ Таганской части, но можетъ быть память меня и обманываетъ. Офиціалъ давно не посѣщалъ насъ, вслѣдствіе чего — не помню. Шпейдеръ былъ молодой человѣкъ пріятной наружности, хотя съ неправильными чертами, умный, дѣятельный, много читавшій. Онъ очень понравился моему отцу и часто бывалъ у насъ. Настала война съ турками. Однажды Шпейдеръ пріѣзжаетъ къ отцу, разстроенный, и со слезами на глазахъ говоритъ отцу: „прощайте, Платонъ Петровичъ! я ѣду въ Турцію!" — „Какъ? почему?" спросилъ отецъ, огорченный и изумленный этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ. — „Вѣдь я казенно-коштный студентъ, вотъ и посылаютъ, и надобно ѣхать, продавать все: лошадей, мебель". Отецъ изъявилъ искреннее сожалѣніе, но дѣлать было ничего. Мы разстались съ Шпейдеромъ, искренно огорченные. Даже прислуга сожалѣла его, потому что онъ былъ внимателенъ и гуманенъ, и я помню, какъ онъ однажды пускалъ кровь кому-то изъ больныхъ (что дѣлали тогда очень немногіе врачи); вообще былъ врачемъ, ничѣмъ не брезговавшимъ и не пренебрегавшимъ никого.

Какой нибудь гуманистъ-теоретикъ, прочтя предшествующія строки, можетъ сказать: „да это прямая обязанность врача, и нѣтъ тутъ никакой за-

слуги; поступать иначе—преступленіе". Совершенно вѣрно, да на дѣлѣ то мы видимъ и теперь очень нерѣдко, что врачи отворачиваются отъ такихъ больныхъ, отъ которыхъ нельзя ожидать приличнаго вознагражденія. Это теперь, когда безвозмездная помощь сдѣлалась дѣломъ обыкновеннымъ, а въ то время, т. е. за 45 лѣтъ назадъ, гуманный врачъ, увѣряю смѣло, встрѣчался очень, очень рѣдко.

По отъѣздѣ Шнейдера врачемъ нашего дома сдѣлался Иванъ Алексѣевичъ Воскресенскій, красивый, высокій, еще молодой человѣкъ, знающій свое дѣло и имѣвшій большую практику.

Я невольно опять забѣжалъ впередъ и долженъ воротиться: живо помню, какъ интересовало меня греческое возстаніе, но не изъ газетъ, а по брошюрамъ о немъ, тогда выходившимъ; какъ сейчасъ гляжу на портреты героевъ борьбы за независимость: Канариса, Боцариса, Колокотрони, Мавромихали и другихъ. Помню, какъ волновалъ меня разсказъ о геройской защитѣ и славной гибели жителей Миссолонги. Помню битву Наваринскую, даже нѣкоторыя подробности.

Турецкая кампанія также мнѣ памятна, но такъ какъ объ ней я могъ узнавать лишь изъ газетъ, то помню главныя событія и одну только подробность: то, какъ в. князь Михаилъ Павловичъ, при осадѣ Шумлы, желая поближе осмотрѣть крѣпость, взялъ ружье у часоваго и сталъ на его мѣсто. Нѣсколько минутъ в. к. внимательно смотрѣлъ на укрѣпленія, потомъ отдалъ ружье солдату и пошелъ было прочь, какъ вдругъ часовой упалъ мертвымъ, пораженный ружейною пулею.

Ясно помню портреты Паскевича, Дибича: перваго съ глазами, поднятыми вверхъ, другаго съ умнымъ, но некрасивымъ лицомъ; но изъ событій войны ничто особенно рѣзко не выдѣляется. Но разсказъ объ убійствѣ Каподистріи помню очень хорошо, можетъ быть потому, что слышалъ его и слушалъ со вниманіемъ, какъ И. И. Дмитріевъ, лично знавшій Каподистріо, разсказывалъ отцу объ его смерти.

Въ памяти моей сохранилось многое, чего я не могу никакъ отнести къ извѣстному времени; такъ напримѣръ, когда въ первый разъ видѣлъ я Балашова, и въ этотъ ли или только во второй—отецъ меня предоставилъ ему, но помню живо слова отца: „mon fils," сказалъ онъ, подводя меня къ Ал. Дм., и прибавилъ: „единственный товарищъ мой въ уединеніи". Балашовъ погладилъ меня по головѣ, сказавъ протяжно: „хорошо, хорошо!" Помню какъ нельзя ясно его лицо, умное, энергическое; помню, что онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ эполетахъ, красной лентѣ, звѣздахъ и орденахъ. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плотенъ.

Помню, но не такъ ясно, Сергѣя Сергѣевича Кушникова: его я видѣлъ

лишь за нѣсколько шаговъ, при входѣ въ залъ: онъ былъ высокъ, много выше отца, совсѣмъ сѣдъ, безъ усовъ, какъ и Балашовъ, тоже въ мундирѣ, генеральскихъ эполетахъ, синей лентѣ, звѣздахъ и орденахъ. Отецъ ему меня не представлялъ, не знаю почему.

Къ какому времени относится то и другое—рѣшительно не припомню: но могу вспомнить также и того, когда пріѣзжалъ къ отцу Бантышъ-Каменскій, но совершенно ясно помню то, что при входѣ въ залъ, встрѣченный моимъ отцомъ, онъ, будучи ростомъ ниже отца, былъ закрытъ имъ отъ меня, и потому о его наружности я могу сказать лишь то, что онъ былъ нѣсколько ниже средняго роста, помнится, довольно плотенъ, лѣтъ среднихъ—вотъ и все. Но помню, что онъ разсказывалъ отцу о разрытіи, по его приказанію, могилы Меньшикова, или по крайней мѣрѣ могилы, считавшейся за ту, гдѣ погребенъ А. Д. Меньшиковъ. Помню ясно даже цвѣтъ матеріи, кусокъ которой Бантышъ-Каменскій отрѣзалъ отъ платья того, кого признавалъ за Меньшикова. Матерія была буро-лиловатаго цвѣта, тонкая, помнится, похожая на камлотъ. Послѣ я слышалъ, что Б. К. получилъ строгій выговоръ за разрытіе могилы. По словамъ Б. К., тѣло того, кого онъ признавалъ за Меньшикова, хорошо сохранилось, что и неудивительно при тамошнихъ морозахъ и постоянно мерзлой отъ нихъ почвѣ, на извѣстной глубинѣ, т. е. на той, гдѣ находился гробъ съ тѣломъ.

Точно также не могу припомнить, когда былъ у отца его сослуживецъ по гвардіи, князь Горчаковъ, человѣкъ очень старый, небольшаго роста, въ коричневомъ фракѣ. Они разговорились о старинѣ, и Горчаковъ (къ сожалѣнію, имени его не припомню) между прочимъ припомнилъ отцу разсказъ о видѣніи императрицы Анны Іоанновны, гдѣ-то имъ читанный, и съ которымъ онъ въ чемъ-то былъ несогласенъ; въ чемъ именно, я не припомню, но ясно помню его собственный разсказъ: отецъ Горчакова былъ въ это время во дворцѣ въ караулѣ; онъ былъ тогда еще сержантомъ. Въ полночь, или немного раньше, часовой, стоявшій у тронной залы, увидѣлъ императрицу, вошедшую въ залу; она начала ходить по ней. Удивленный часовой не зналъ что подумать о такомъ несвоевременномъ появленіи государыни. Было извѣстно, что она не совсѣмъ здорова и уже легла въ постель. Вскорѣ появился дежурный офицеръ; обходя часовыхъ и услышавъ о появленіи императрицы, посмотрѣлъ въ залу и, увидѣвъ ее, поспѣшилъ доложить о томъ Бирону, который въ свою очередь поспѣшно пришелъ, посмотрѣлъ и отправился къ императрицѣ. Наскоро одѣвшись и приказавъ взводу солдатъ зарядить ружья и слѣдовать за нею, императрица, въ сопровожденіи Бирона, офицера, командовавшаго взводомъ солдатъ, и еще кого-то, вошла въ тронную залу и обратилась къ своему двойнику съ вопросомъ: „кто ты?“ Двойникъ сидѣлъ уже въ это время на тронѣ. Не получивъ отвѣта на вопросъ, повторивъ его еще два раза, императрица обратилась

къ солдатамъ и приказала стрѣлять въ свой двойникъ, но едва тѣ успѣли приложиться, какъ призракъ, поднявъ руки и положивъ ихъ себѣ на голову, исчезъ. Осмотрѣли тронъ, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновеніе человѣка, который игралъ бы роль призрака. „Говорили, прибавилъ Горчаковъ, что императрица удаляясь сказала: „это смерть моя." Она дѣйствительно скончалась нѣсколько ..... спустя, и можетъ быть видѣніе и произведенное имъ впечатлѣніе еще ускорили ея кончину. Кн. Горчаковъ, отецъ разсказывавшаго, былъ, сколько помню, при взводѣ, сопровождавшемъ государыню. Я очень давно ничего не читалъ объ этомъ видѣніи, но читалъ когда-то не разъ, и, сколько помню, разсказъ кн. Горчакова мало разнится съ другими разсказами о томъ же.

Съ тѣхъ поръ какъ отецъ мой сдѣлался домосѣдомъ, я, конечно въ свободное отъ уроковъ и ихъ приготовленія время, бѣжалъ къ нему, и если онъ не былъ ничѣмъ занятъ, мы бесѣдовали съ нимъ, о чемъ могли — старикъ за шестьдесятъ пять лѣтъ съ восьми или десятилѣтнимъ ребенкомъ, но бесѣдовали и иногда долго.

Къ глубокому сожалѣнію моему, память сохранила немного разсказовъ моего отца въ такомъ видѣ, чтобы я могъ помѣстить ихъ въ мою автобіографію; большею частію это лишь отрывки, крайне запутанные, которые рѣшительно невозможно возстановить и освѣжить, какъ старую, совсѣмъ почти стертую картину.

Припоминаю, что отецъ, по поводу ли прочтенныхъ газетъ или книги, начиналъ иногда разсказывать что нибудь. Вотъ два разсказа, которые были вызваны такимъ же образомъ и сохранились въ памяти моей удовлетворительно. По поводу газетнаго извѣстія о поимкѣ какихъ-то разбойниковъ, отецъ мой началъ мнѣ разсказывать о разбояхъ вначалѣ царствованія Екатерины II-й. Разбойничество развито было въ то время сильно, а преслѣдованіе его очень затруднительно, по недостатку путей сообщенія, малочисленности и разбросанности войскъ, громадности разстояній и обширности лѣсовъ. Разъ отецъ мой, еще мальчикъ лѣтъ 11-ти, поѣхалъ съ своимъ отцомъ и мачихою въ гости къ помѣщикамъ Путиловымъ, двумъ братьямъ холостякамъ, еще не старымъ. На обратномъ пути въ Симбирскъ, гдѣ П. А. былъ уже тогда (кажется) комендантомъ, они при выѣздѣ въ лѣсъ встрѣтились съ семью или 8-ю кибитками, наполненными людьми, вооруженными рогатинами, ружьями, саблями и т. п. Это были разбойники. П. А. Бекетова, человѣка въ то время уже очень богатаго, окружала многочисленная, хорошо вооруженная свита; она состояла изъ 12 гусаръ, набранныхъ изъ плѣнныхъ польскихъ конфедератовъ (ихъ раздавали сановникамъ, такъ же какъ калмыковъ), и 12 казаковъ изъ дворовыхъ людей. Тѣ и другіе были вооружены, какъ слѣдовало этому роду кавалеріи. Кромѣ

того было еще немало дворовыхъ, поваровъ и пр., тоже не безъ оружія. Разбойники, встрѣтясь такъ неожиданно съ многочисленною толпою вооруженныхъ людей, посторонились и дали проѣхать уже всѣмъ экипажамъ, за исключеніемъ повозки съ кухонными принадлежностями, слѣдовавшей сзади. Разбойничьи кибитки пронеслись, и одна изъ нихъ зацѣпила колесомъ за колесо повозки съ кухнею. Конвойный казакъ, увидѣвъ это, ударилъ нагайкою разбойника, правившаго кибиткою. „Проваливай, проваливай! спокойно сказали разбойники,—свита-то не по насъ!“ Разъѣхались, а на другой день узнали слѣдующее:

Разбойники ѣхали именно къ тѣмъ Путиловымъ, у которыхъ были въ гостяхъ Бекетовы, приглашенные туда пріемышемъ одного изъ братьевъ. Пріемышъ этотъ, мальчикъ лѣтъ 14 или 15-ти, оказался возрастая шалуномъ, повѣсой, а потомъ уже рѣшительно негодяемъ. Испытавъ мѣры кротости, Путиловъ, видя ихъ совершенную безуспѣшность, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и высѣкъ мальчика. Этотъ скрылся и черезъ нѣсколько времени привелъ разбойниковъ. Дѣло было къ вечеру; уже смеркалось. Разбойники, не встрѣчая сопротивленія, окружили домъ. Одинъ изъ Путиловыхъ былъ въ саду, или успѣлъ туда спастись; другой, ружейный охотникъ, ушелъ наверхъ, въ комнату, гдѣ помѣщался его арсеналъ. Съ нимъ же ушелъ было туда каменщикъ или печникъ, у него работавшій, заявляя желаніе съ нимъ вмѣстѣ защищаться, но Путиловъ не принялъ отъ него великодушной жертвы и уговорилъ спасаться, пока есть еще время. Можетъ быть онъ подозрѣвалъ измѣну. Тотъ спустился, кажется, изъ окна на веревкѣ и спасся. Путиловъ, имѣвшій много оружія и снарядовъ, сталъ надъ лѣстницею съ двухстволынымъ ружьемъ и пистолетами, рѣшившись встрѣтить нападающихъ и дорого продать жизнь. На узкой лѣстницѣ, ведшей въ оружейную комнату, появился пріемышъ его, сопровождаемый двумя разбойниками. Путиловъ встрѣтилъ ихъ мѣткими выстрѣлами и положилъ всѣхъ троихъ. Другіе разбойники, видя его рѣшимость и мѣткость выстрѣловъ, не рѣшились возобновить нападенія. Онъ баррикадировалъ лѣстницу и подошелъ къ окну. Разбойники стрѣляли въ него, но не попадали, а Путиловъ, отличный стрѣлокъ, ранилъ и убилъ еще четверыхъ или пятерыхъ. Разбойники, разграбивъ домъ, начали уговаривать Путилова сойти, увѣряя, что не сдѣлаютъ ему зла. Онъ отвѣчалъ выстрѣлами. Тогда разбойники зажгли домъ, и Путиловъ погибъ въ пламени, или застрѣлился — навѣрно неизвѣстно, потому что, когда огонь достигъ оружейной, раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ нагрѣвавшагося оружія. Вѣроятно, что онъ задохнулся отъ дыма, потому что если бы онъ въ самомъ дѣлѣ застрѣлился, то послышался бы прежде одинокій выстрѣлъ.

Другой братъ могъ бы спастись, но не слыша болѣе ни стрѣльбы, ни шума, заключилъ, что разбойники уже уѣхали, покинулъ свое убѣжище и былъ схва-

чень разбойниками. Они долго жарили его на медленномъ огнѣ, допытываясь, не спрятаны ли гдѣ нибудь деньги или дорогія вещи, въ саду или подпольяхъ. Несчастный Путиловъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Этотъ разсказъ относится, кажется, къ эпохѣ Пугачовской. Другой разсказъ отца моего о разбойникахъ относится къ позднѣйшему времени: отецъ былъ тогда уже человѣкомъ взрослымъ. Вѣроятно онъ пріѣзжалъ къ роднымъ въ отпускъ изъ Петербурга. Разсказъ этотъ, помню живо, былъ вызванъ разговоромъ о неосторожномъ обращеніи съ порохомъ. Неподалеку отъ Симбирска или отъ имѣнія П. А. Бекетова,—послѣднее вѣрнѣе, — жила старушка помѣщица, Марья Ивановна Стрѣлкова; женщина небогатая, но очень бережливая, она скопила около 20 т. рублей и изъ предосторожности держала деньги въ видѣ мѣдной монеты, которую не такъ легко увезти. Нужно прибавить, что тогдашняя мѣдная монета чеканилась такъ, что металломъ стоила дороже нарицательной цѣны своей. М. И. по недовѣрчивости не пускала денегъ въ оборотъ и не клала въ сохранную казну.

Однажды, ночью, къ отсутствіе Стрѣлковой, явилась къ ней въ имѣніе шайка разбойниковъ, числомъ около пятнадцати. Лица у всѣхъ были неправно вымазаны сажею. Какъ обыкновенно, ни крестьяне, ни дворовые не оказали ни малѣйшаго сопротивленія, но староста оказался исключеніемъ: преданный помѣщицѣ, смѣлый, атлетическаго сложенія, онъ попытался сопротивляться и отстоять барское добро отъ расхищенія. Безъ оружія, призывая на помощь, бросился онъ на одного изъ разбойниковъ, схватилъ и началъ душить. Разбойникъ не успѣлъ употребить въ дѣло оружіе: такъ быстро и неожиданно было нападеніе. Сдавленный могучими руками старосты, онъ захрипѣлъ и готовъ былъ упасть безъ чувствъ, а можетъ быть и безъ жизни, но одинъ изъ его товарищей успѣлъ во время приставить къ боку старосты ружье и выстрѣлить. Староста упалъ мертвымъ.

Разбойники не успѣли поживиться многимъ: они унесли три или четыре пуда мѣдной монеты, не больше. Предосторожность Стрѣлковой оказалась не безполезною. Разбойники впрочемъ очень спѣшили и не безъ основанія. Я уже сказалъ, что имѣніе Стрѣлковой находилось неподалеку отъ Бекетовскаго; тамъ узнали почему-то о нападеніи, сдѣланномъ разбойниками на усадьбу М. И., и распорядились немедленно послать туда отрядъ вооруженныхъ людей для отпора разбойникамъ и, если можно, ихъ поимки. Сборы начались поспѣшно: сѣдлали лошадей, заряжали оружіе. Отецъ мой пошелъ посмотрѣть туда, гдѣ заряжалось оружіе, и нашелъ, что нѣсколько человѣкъ, стоя около большаго стола, заряжали ружья и пистолеты. На столѣ была насыпана порядочная кучка пороха, въ нѣсколько фунтовъ, и горѣло днѣ или три свѣчи. Порохъ брали щепотьями, на глазъ, и сыпали въ дула... Отецъ былъ изумленъ той крайней неосторож-

ностью и безпечностью, съ какою обходились съ порохомъ, велѣлъ принести фонарей и распорядился дѣломъ съ большимъ порядкомъ.

Но когда посланные прибыли въ имѣніе Стрѣлковой, то уже не застали тамъ разбойниковъ, а нашли только слѣды грабежа и трупъ несчастнаго старосты, погибшаго жертвою вѣрности. Одинъ въ полѣ не воинъ!....

Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что разбойники были дворовые люди Г.Г. Бобоѣдовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ это время уѣзднымъ судьею. Они сами предводительствовали шайкою. Это былъ не одиночный, хотя, къ счастію, и не часто повторявшійся на Руси случай „дворянскихъ" разбоевъ. Нетрудно припомнить разсказы Г-жи Толычевой и др.

Отецъ мой любилъ собакъ и держалъ много разныхъ породъ, начиная отъ датскихъ и меделанскихъ (медіоланскихъ?) и кончая мопсами и шпицами. Говоря о собакахъ, ихъ привязанности къ человѣку и услугахъ, которыя они ему оказываютъ, нерѣдко даже спасаютъ ему жизнь, отецъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій съ извѣстнымъ петербургскимъ генералъ-губернат., впослѣдствіи москов. оберъ-полиціймейстеромъ, при Екатеринѣ II, Архаровымъ.

Однажды, въ лѣтнюю ночь, Архаровъ, имѣвшій огромную датскую собаку, которая была при немъ почти безотлучно и ночевала въ его спальнѣ, проснувшись видитъ при слабомъ свѣтѣ начинающейся зари, что возлѣ его постели стоитъ человѣкъ, вооруженный длиннымъ ножомъ. Другой поспѣшно выбираетъ изъ комода или шифоньерки дорогія вещи и передаетъ въ отворенное окно третьему, стоявшему подъ окномъ. Собака спитъ подъ столомъ. Архаровъ съ свойственнымъ ему присутствіемъ духа закрылъ глаза и притворился спящимъ. „Вотъ, думалъ онъ, хорошъ вѣрный сторожъ, онъ опитъ себѣ преспокойно, въ то время какъ разбойники забираются въ спальню хозяина, грабятъ тамъ и въ заключеніе можетъ быть и зарѣжутъ меня!"

Прошло нѣсколько минутъ. Выбравъ что можно, разбойникъ вылѣзъ въ окно; тотъ, который стоялъ возлѣ Архарова, подошелъ также къ окну и занесъ уже ногу, какъ вдругъ собака выскочила изъ подъ стола, какъ тигръ бросилась на разбойника, схватила его за горло и ударивъ объ полъ, оставила замертво и бросилась въ окно. Послышались два крика; Архаровъ позвалъ прислугу; она сбѣжалась и нашла всѣхъ троихъ разбойниковъ замертво. Былъ ли кто изъ нихъ задушенъ, была ли ранена собака, не припомню.

Впослѣдствіи Архаровъ былъ вынужденъ отправить собаку эту въ ссылку за то, что она потрепала и едва не задушила любимую собачку императрицы Екатерины II.

Чтобы не возвращаться болѣе къ разбойникамъ и разбойничеству, прибавлю, что оно внушало такой страхъ, что въ губернскомъ городѣ Симбирскѣ нерѣдко подкидывались письма съ требованіемъ вмести въ назначенное мѣсто

и время извѣстную сумму денегъ, съ угрозою, въ случаѣ неисполненія требованія, — сжечь домъ того, къ кому оно относилось. Нерѣдко требуемая сумма доставлялась по назначенію; нерѣдко также дома тѣхъ, кто рѣшался не исполнить разбойничьяго требованія, загорались, очевидно вслѣдствіе поджога. Это было при Екатеринѣ II. А флотилія на Волгѣ, специально назначенная для преслѣдованія разбойниковъ, на Волгѣ, уничтожена по распоряженію правительства лишь въ.... году.

Въ страшную эпоху Пугачевщины отецъ мой былъ еще очень молодъ, ему было около 11 лѣтъ, но во всякомъ случаѣ и самъ онъ, конечно, кое-что помнилъ и, разумѣется, слышалъ много; но къ сожалѣнію, изъ разсказовъ его и по памяти ничего настолько ясно, чтобы могъ привести что нибудь. Между тѣмъ, совершенно незначительный разсказъ бабушки моей, относящійся къ этому времени, уцѣлѣлъ какъ-то въ моей памяти. Она разсказала мнѣ однажды, что въ деревню, ея родину, явилась шайка пугачевскихъ разбойниковъ, что всѣ крестьяне были въ страхѣ за жизнь и имущество, частію разбѣжались и скрылись въ ближайшихъ лѣсахъ, частію спрятались, гдѣ кто успѣлъ. Одна крестьянская дѣвушка спряталась подъ опрокинутую кадку, но конецъ ленты, которая была вплетена въ ея косу, выставился изъ подъ кадки, и бабушка моя, дѣвочка лѣтъ семи, увидѣвъ кончикъ ленты, принялась тянуть ее. Дѣвушка шепотомъ просила бабушку отойти и спрятаться, грозя, что, если она этого не сдѣлаетъ, ихъ обѣихъ зарѣжутъ. Ленту она вытянула къ себѣ безъ труда изъ слабыхъ рукъ бабушки, которая послушалась и спряталась сама куда-то. Помнится, что сподвижники Пугачева не надѣлали въ этой деревнѣ особенныхъ бѣдъ.

Я уже сказалъ прежде, что одна изъ Мясниковыхъ вышла за Дурасова. Послѣдствіе этого брака Дурасовы состоили въ свойствѣ съ Бекетовыми. Я не помню, пріѣзжалъ ли когда нибудь къ отцу моему Андрей Зиновьевичъ Дурасовъ: вообще объ немъ я мало слышалъ. Но о братѣ его, Михаилѣ Зиновьевичѣ, знаю слѣдующее.

Какъ большая часть дворянъ екатерининскаго времени, онъ служилъ въ военной службѣ и въ чинѣ генералъ..... участвовалъ въ несчастномъ походѣ русскихъ войскъ въ Швейцарію, подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова. Оставленные, по обыкновенію, союзными австрійскими войсками въ жертву французамъ, предводимымъ Массеною, русскіе потерпѣли, какъ извѣстно, пораженіе во второмъ сраженіи при Цюрихѣ. Дурасову было поручено охранить одинъ изъ важныхъ, по мнѣнію главнокомандующаго, пунктовъ позиціи, на который Массена производилъ ложную аттаку. Дурасовъ исполнялъ возложенное на него порученіе, какъ могъ, и отражалъ нападеніе, но Массена, отвлекая такимъ образомъ вниманіе русскихъ отъ мѣста, куда намѣревался произвести дѣйствительное нападеніе, успѣлъ въ этомъ и разбилъ русское войско. Дурасовъ сохранилъ

пушки и отвелъ свой отрядъ, не потерпѣвшій большихъ потерь, въ удовлетворительномъ порядкѣ. Императоръ Наполеонъ, раздраженный неудачами нашихъ войскъ и поступками австрійцевъ, отнесся строго къ нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ кампаніи, и между прочими къ Дурасову. Онъ былъ исключенъ изъ службы.

Такимъ образомъ карьера Дурасова была разбита, честолюбіе уязвлено глубоко, и, что всего важнѣе, онъ самъ понемногу убѣдился въ томъ, что былъ причиною разбитія арміи и погибели многихъ соотечественниковъ. Все это сильно на него подѣйствовало и при его впечатлительномъ пылкомъ характерѣ довело его до мрачнаго настроенія, переходившаго въ меланхолію. М. З. началъ по временамъ заговариваться: иногда онъ произносилъ: „отойдите, отойдите!" хотя не къ кому было отнестись съ этими словами. Иногда также безпричинно онъ примѣнивалъ къ разговору что-то вродѣ вопроса: „тотъ что-ль? тотъ?" и т. п. Наконецъ, взявъ съ собою двухъ слугъ, онъ уѣхалъ куда-то и исчезъ. Прошло довольно много времени, прежде нежели узнали, что Дурасовъ въ Соловецкомъ монастырѣ на послушаніи. Онъ изумлялъ соловецкихъ монаховъ строгостью жизни. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Не припомню, вслѣдствіе чего онъ покинулъ Соловецкій монастырь и, непросивъ согласія жены, (женатъ онъ былъ на графинѣ Толстой, родной сестрѣ графини Закревской) поступилъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ и постригся. Въ Симоновомъ монастырѣ Дурасовъ принялъ схиму и съ этого времени слѣлался невидимъ. Кто слуга, приносившій ему кушанье, оставилъ его въ первой кельѣ и уходилъ. Тогда схимникъ бралъ пищу, уносилъ во вторую келью и запиралъ дверь. Въ церковь ходилъ онъ по корридору, проведенному изъ его кельи, и стоялъ въ церкви въ крытомъ помѣщеніи, за густою рѣшеткою, не позволявшею его видѣть. Такъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Однажды служитель, приносившій кушанье, увидѣлъ на другой день, что оно цѣло. Заключивъ изъ этого, что схимникъ болѣетъ, онъ отправился къ архимандриту Мельхиседеку и сообщилъ ему свои опасенія. Архимандритъ пошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ въ келью, постучался въ дверь, позвалъ схимника по имени, — нѣтъ отвѣта. Отперли дверь и нашли Дурасова уже охладѣвшимъ.

Бывшій попечителемъ московскаго университета А. А. Писаревъ былъ женатъ на дочери М. З. Дурасова и потому находился въ свойствѣ съ моимъ отцомъ, хотя уже отдаленномъ. Онъ бывалъ у отца очень рѣдко: я помню лишь одинъ разъ, какъ онъ пріѣхалъ къ отцу верхомъ, и очень смутно помню даже его наружность.

Изъ профессоровъ м. университета, посѣщавшихъ нарѣдка отца, я помню М. П. Погодина, А. Ѳ. Мерзлякова, И. А. Двигубскаго, И. М. Снегирева. Послѣдній, не знаю почему, бывалъ у отца чаще другихъ, хотя, сколько помню,

отецъ мой не очень ему симпатизировалъ. О немъ и впослѣдствіи скажу еще нѣсколько словъ.

Что касается до Михаила Петровича, то какъ современникъ онъ не нуждается въ описаніи.

Мераляковъ, сколько помню, былъ человѣкъ небольшаго роста, плотный, съ краснова тымъ лицомъ, брюнетъ; говорилъ съ жаромъ, когда дѣло касалось чего нибудь интересовавшаго его лично, или по отношенію къ поэзіи. И. А. Двигубскій былъ, помнится, средняго роста, полонъ, лимфатиченъ, съ добродушнымъ и умнымъ выраженіемъ лица. О Снегиревѣ скажу послѣ.

Помню Ловецкаго, Максимовича, Сахарова, Тромонина, Артёмова. Объ нихъ скажу впослѣдствіи нѣсколько словъ.

Между тѣмъ Ѳ. Ц. Шнейдеръ возвратился изъ Турціи, съ медалью на георгіевской лентѣ, съ лицомъ загорѣлымъ и пріобрѣвшимъ выраженіе болѣе рѣшительное и мужественное. Всѣ мы очень ему обрадовались.

Учебныя занятія шли уже далеко не такъ хорошо, какъ прежде: я хуже приготовлялъ уроки, былъ менѣе внимателенъ въ классѣ, вообще учился слабѣе. Причиною тому было раннее занятіе „изящной словесностью" и рисованіемъ: я слишкомъ много употреблялъ на нихъ времени, и его уже недоставало мнѣ для моихъ учебныхъ занятій; многія казались мнѣ уже нѣсколько скучны. Вскорѣ въ моихъ учебныхъ занятіяхъ произошелъ перерывъ, немало имъ повредившій.

Настала осень 1830-го года. Уже раньше слышалось, что приближается холера, болѣзнь неизвѣстная до того времени въ Россіи. Но слухи эти были нѣсколько смутны; отецъ старался, повидимому, если не скрывать того, что слышалось, то по крайней мѣрѣ выказывать дѣло въ видѣ не очень страшномъ, чтобы не произвести паники. Итакъ, настала осень. Былъ пасмурный, но не холодный день. Я пошелъ стрѣлять изъ лука въ цѣль, что дѣлалъ обыкновенно шагахъ во ста отъ дома, на газонѣ довольно обширномъ. Цѣль я прикрѣплялъ на холостомъ строеніи.

Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, я собирался уже возвратиться, какъ вдругъ изъ темной липовой аллеи, въ это время уже полуосвѣщенной, показался вооруженный человѣкъ. Я остановился. Человѣкъ, вышедшій изъ аллеи, направился ко мнѣ; это былъ кавалеристъ; на правомъ боку висѣлъ у него карабинъ, на лѣвомъ кавалерійская сабля; въ рукѣ у него было пустое ведро. Я спросилъ его, что ему нужно, и онъ объяснилъ мнѣ, что они солдаты Ермоланскаго полка, (Ингерманландскаго) поставлены цикетомъ возлѣ нашей дачи, что ихъ трое при унтеръ-офицерѣ, и что они пришли просить чего нибудь съѣстнаго. Я повелъ его къ дому и сказавъ, чтобы онъ подождалъ, пошелъ къ отцу и разсказалъ ему объ этой встрѣчѣ. Отецъ, нѣсколько удивленный, велѣлъ позвать солдата, и

тотъ объяснилъ ему то же, что и мнѣ, прибавивъ, что къ сумеркамъ придетъ пѣхота и станетъ цѣпью около вала. Когда солдату дали всего, что нужно: щей, квасу и, помнится, водки, и послали съ нимъ слугу, чтобы помочь ему донести обѣдъ,—я отправился съ ними посмотрѣть „пикетъ".

На концѣ нашей дачи, за заборомъ, между нимъ и валомъ, стояли дѣйствительно кавалеристы. Они были очень благодарны за обѣдъ, и унтеръ-офицеръ подтвердилъ мнѣ все сказанное солдатомъ.

Къ нимъ вскорѣ явился казакъ. Какъ сейчасъ вижу эту фигуру атлета, небольшаго роста, въ бѣломъ, съ саблею на боку и нагайкой въ рукѣ. Лицо казака, человѣка лѣтъ 45, выражало лукавство, увѣренность и грубость; цвѣтъ лица его былъ нажелта-смуглый; усы коротко подстрижены. Онъ заспорилъ съ унтеръ-офицеромъ о пропускѣ барокъ съ казеннымъ грузомъ. Унтеръ-офицеръ упорно и настойчиво говорилъ, что пропустить нельзя, а казакъ утверждалъ, что невозможно не пропустить барокъ съ казеннымъ грузомъ. „Покажи мнѣ предписаніе, и я пропущу", говорилъ унтеръ-офицеръ. „Я самъ живое предписаніе", возражалъ казакъ. Барокъ однакожъ не пропустили.

Къ вечеру, когда уже отомнѣло, подошла пѣхота и стала цѣпью за валомъ. Въ темнотѣ послышались ея оклики. Въ какомъ разстояніи расположены были солдаты, не припомню, хотя ясно помню цифру 50, но аршинъ или саженъ? Первое вѣроятнѣе.

Я помню, что было предписано или, правильнѣе сказать, предлагалось публикѣ курить въ комнатахъ уксусомъ съ мятою, можжевельникомъ, хлоровою водою, которую тогда называли большею частью „хлорновою" водою. Совѣтовали пить дегтярную воду, которую приготовляли вливая, помнится, стаканъ кипятку на столовую ложку чистаго дегтя, помѣшивали нѣкоторое время, давали отстояться и остынуть и пили, оставляя осадокъ. Питье было очень непріятное, но я и другіе пили эту воду довольно долго. Носили на шеѣ луковку чесноку; люди со средствами употребляли вмѣсто этого уксусъ четырехъ разбойниковъ, небольшая скляночка котораго стоила довольно дорого. Помню, что запахъ этого уксуса былъ нѣсколько сходенъ съ запахомъ туалетнаго уксуса. Другихъ средствъ, которыя употреблялись какъ предохранительныя противъ холеры,— не припомню.

Начали печататься въ газетахъ извѣстія о ходѣ болѣзни; они были ужасны: заболѣвало огромное число людей, процентъ умирающихъ былъ неутѣшителенъ: около половины. Въ самый разгаръ холеры количество наличныхъ больныхъ доходило до..... Тяжелое было время: паника, усиливаемая карантинными мѣрами, была подавляющая, и хотя страшна была болѣзнь, но впечатлѣніе, ею производимое, было удвоено паникою. Преувеличенные разсказы о губительности холеры, о томъ, что въ газетныхъ извѣстіяхъ сообщается едва ли о поло-

нинѣ заболѣвающихъ и еще менѣе о дѣйствительномъ числѣ умирающихъ, что холера если не такъ же, то почти такъ же смертельна, какъ чума,—наполняли ужасомъ и уныніемъ даже коробкія души. О себѣ впрочемъ я могу сказать, что не чувствовалъ особеннаго страха, даже очень мало боялся лично за себя, но какое-то смутное, тяжелое, подавляющее чувство, смѣшанное съ недоумѣніемъ, при видѣ всего совершавшагося, тяготѣло надо мною..... Боязнь же если и закрадывалась въ душу мою, то не за себя, а за близкихъ сердцу.....

Сообщенія, за исключеніемъ необходимѣйшихъ, прекратились: всѣ сидѣли дома, какъ въ карантинѣ.

Нѣсколько недѣль прошло для меня безъ моихъ обычныхъ занятій ученьемъ: учители мои не ходили ко мнѣ; но потомъ, когда паника нѣсколько поутихла, сообщенія начали возстановляться, — они, предварительно снесясь съ моимъ отцомъ, начали къ намъ пріѣзжать, и ученье пошло попрежнему.

Надѣялись, что эпидемія начнетъ утихать съ наступленіемъ морозовъ, очищающихъ воздухъ отъ міазмовъ, но она начала ослабѣвать лишь къ.....

Когда была снята цѣпь — не помню.

Петръ Петровичъ Бекетовъ былъ въ это время подъ опекою, что крайне непріятно было моему отцу, не терпѣвшему ничего скандальнаго и принимавшему къ сердцу все, что касалось до родныхъ, тѣмъ болѣе братьевъ или другихъ близкихъ. Онъ былъ далеко неравнодушенъ и къ тому, что касалось до людей, для него совершенно постороннихъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ холеры семействъ на больницы и предохранительныя средства было сдѣлано много пожертвованій, въ числѣ которыхъ были весьма значительныя. Память моя сохранила имена лишь немногихъ изъ жертвовавшихъ, независимо отъ значительности или скромности ихъ пожертвованій.

Отецъ мой, хлопотавшій объ освобожденіи изъ подъ опеки Петра Петровича, подалъ ему совѣтъ: сдѣлать доброе дѣло—пожертвовать въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, и съ тѣмъ вмѣстѣ крупнымъ пожертвованіемъ достигнуть желаннаго результата—освобожденія изъ подъ опеки.

Извѣстный писатель того времени — впослѣдствіи цензоръ — Сергѣй Николаевичъ Глинка, взялся подать просьбу на высочайшее имя и съ подписаннымъ П. П. прошеніемъ отправился въ Петербургъ. П. П. просилъ государя дозволить ему пожертвовать изъ принадлежащихъ ему сродствъ въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, въ Петербургѣ сто тысячъ и въ Москвѣ для той же цѣли двѣсти тысячъ руб. асс. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. П. просилъ по собственному побужденію сто тысячъ руб. асс. на ссуду заимообразно брату П. П. Петровичу.

Высочайшее соизволеніе на принятіе пожертвованія послѣдовало, и резуль-

затѣмъ было снятіе съ П. П. опеки. Изъ 100 т. р., непрошенныхъ имъ въ осуду Пл. П., этотъ послѣдній получилъ 40 т. р.; остальные 60 т. р. П. П. нашелъ нужнымъ удержать на собственные расходы. Это фактъ, о которомъ я слышалъ, какъ говорили оба Дмитріевы, Глинка и, не помню, кто-то еще, съ негодованіемъ.

На пожертвованные П. П. для семействъ, пострадавшихъ отъ холеры въ Москвѣ, 200 т. руб. былъ купленъ домъ графа Апраксина, на Знаменкѣ, и въ немъ устроено „холерное заведеніе", какъ называли тогда, теперешняя военная гимназія.

Холера, похитившая столько жертвъ, не скоро уступила морозамъ и, сколько помню, начала ослабѣвать только въ концѣ января. Когда была снята цѣпь— не помню. Симоновская слобода была пощажена холерою.

О возмущеніи новгородскихъ военныхъ поселеній я ничего не помню, хотя навѣрно отцу моему сообщали объ немъ и Дмитріевы, и Баланинъ, и вѣроятно кто нибудь еще. Не понимаю, какъ могло случиться, что я не слыхалъ объ этомъ событіи.

Первое извѣстіе объ Іюльской революціи сообщилъ отцу моему книгопродавецъ Салаевъ, состоявшій съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ: онъ доставлялъ ему книги, пріобрѣлъ отъ отца моего принадлежащее ему право на изданіе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Живо помню, что Салаевъ привезъ ему письмо, въ которомъ описана была окончательная рѣзня въ Парижѣ, результатомъ которой было низверженіе Карла X-го. Чтеніе этого письма произвело на меня сильное впечатлѣніе. Какъ отголосокъ Іюльской революціи, вспыхнула польская: одно бѣдствіе за другимъ поражало Россію.

Отецъ мой постоянно читалъ газеты, но меня онѣ мало занимали, и только съ появленіемъ въ нихъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ я началъ интересоваться ими, и несмотря на мой возрастъ, съ живымъ участіемъ и волненіемъ слѣдилъ за чтеніемъ реляцій. Нерѣдко, когда время, свободное отъ учебныхъ занятій, позволяло мнѣ, и читалъ отцу вѣдомости, и помню, съ какимъ волненіемъ прочитывалъ я извѣстія о сраженіяхъ при Сѣдлецѣ, Остроленкѣ и др. упорныхъ и кровопролитныхъ битвахъ. Наконецъ, по смерти Дибича, начальство надъ дѣйствовавшею въ царствѣ Польскомъ арміею принялъ Паскевичъ, и послѣ упорной обороны Варшава сдалась. Помню даже пѣснь, съ которою колонны шли на штурмъ:

„Ахъ! зачѣмъ было городъ городить,
Для чего было капустку садить!"

Послѣдній актъ кровавой драмы настаетъ: остатки польскихъ войскъ слагаютъ оружіе, начинается кара.

Дача отца моего, какъ я уже сказалъ, находилась подлѣ Кимеръ-Кол-

лежскаго вала, за которымъ пролегала дорога, выходившая на Владимірскую. Живо помню, какъ по этой дорогѣ одна за другой потянулись партіи ссыльныхъ поляковъ. Съ балкона нашего дома я смотрѣлъ нерѣдко на проходившія значительныя партіи; нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, были не менѣе 600—700 человѣкъ, подъ конвоемъ, повидимому, цѣлой роты пѣхотныхъ солдатъ и 30—40 казаковъ.

Болѣзненно сжималось мое юное сердце при видѣ этихъ несчастныхъ, хотя и виновныхъ, которые, бряцая цѣпями, тащились въ дальній путь, въ страну суровую, на тяжкія работы. Партій этихъ прошло много: сколько помню, я насчиталъ до сорока, а я конечно не всѣ ихъ видѣлъ. При каждой почти партіи было по нѣсколько повозокъ, на которыхъ ѣхали женщины и больные, или почему либо не могшіе идти пѣшкомъ. Грустнымъ взглядомъ слѣдилъ я за удалявшимися, и не во мнѣ одномъ возбуждали они состраданіе: многіе объ нихъ жалѣли.

Я началъ учиться слабѣе, но не потому что лѣнился, а потому что слишкомъ разбрасывался: писалъ стихи, понѣсти, много занимался рисованіемъ, живописью, чтеніемъ—въ это время, какъ я уже сказалъ, газеты начали интересовать меня. Все это отнимало у меня время, котораго недоставало вслѣдствіе этого для учебныхъ занятій, а въ это время я учился языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому, кромѣ отечественнаго, математикѣ, исторіи, географіи и статистикѣ; физикою и химіею я занимался нѣсколько позже, самоучкою, о чемъ скажу впослѣдствіи. Вскорѣ я началъ заниматься гравированіемъ крѣпкою водкой, и, что всего болѣе мѣшало потомъ моимъ полезнымъ занятіямъ, я началъ поотрѣливать изъ ружья.

Верстахъ въ двухъ отъ дачи моего отца находились Крутицкія казармы, въ то время занимаемыя жандармами. Трое или четверо изъ числа тогдашнихъ жандармскихъ офицеровъ были любителями если не охоты, то прогулки съ ружьемъ и стрѣльбы. Они нерѣдко ходили мимо дачи отца моего по берегу Москвы рѣки, пострѣливая по голубямъ, чайкамъ, иногда по куличкамъ; потомъ заходили въ Тюфелеву рощу, гдѣ спеціально стрѣляли дятловъ, которыхъ было тамъ много, и нерѣдко стрѣляли по коршунамъ, съ пронзительнымъ крикомъ носившимся надъ вершинами сосенъ. Имена этихъ офицеровъ, за исключеніемъ двухъ, не сохранились въ моей памяти. Помню Абрамова, высокаго блондина, человѣка очень симпатичнаго; я встрѣчалъ его потомъ нѣсколько разъ въ театрѣ и въ собраніи. Онъ былъ нѣсколько похожъ на извѣстнаго генерала Кухаренко. Помню еще Тихменева, плотнаго, небольшаго средняго роста, съ темными волосами. Этотъ, кажется, умеръ въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Я сначала, присоединяясь къ этимъ офицерамъ, сопровождалъ ихъ за полверсты отъ дачи, потомъ подальше, а наконецъ, когда самъ обзавелся ружьемъ,

началъ ходить съ ними въ Тифелеву рощу, принадлежавшую тогда Балашову, и тоже истреблялъ дятловъ; но большее число выстрѣловъ моихъ было направлено противъ коршуновъ, безъ особенно непріятныхъ для нихъ послѣдствій.

Скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ я началъ стрѣлять: ружейная охота сдѣлалась впослѣдствіи моею страстью, и потому-то я хочу упомянуть о первомъ моемъ знакомствѣ съ ружьемъ. Мнѣ было лѣтъ тринадцать, и при моемъ довольно высокомъ, по лѣтамъ, ростѣ, я казался мальчикомъ взрослымъ. На мою просьбу о покупкѣ ружья и позволеніи мнѣ стрѣлять, отецъ отвѣчалъ согласіемъ. Нашему фактотуму, Ковымъ Іоновичу, поручено было купить для меня ружьецо, и онъ пріобрѣлъ какое-то коротенькое, обрѣзанное изъ французскаго кавалерійскаго, т. наз., карабина, орудіе съ стволомъ въ 10 вершковъ и кремневымъ замкомъ. О пистонахъ тогда если и было извѣстно, то развѣ незадолго дотого; я же объ нихъ не слыхалъ.

Первый урокъ въ стрѣльбѣ далъ мнѣ одинъ изъ слугъ моего отца, столяръ по ремеслу, отставной ратникъ московскаго ополченія, Тимоѳей Антиповичъ. Этотъ ветеранъ, съ гордостью повѣствовавшій иногда объ участіи своемъ въ осадѣ Данцига и другихъ военныхъ лѣйствіяхъ, важно и систематически зарядилъ мое ружьецо, прикрѣпилъ листъ бумаги, на которомъ углемъ изображенъ былъ кругъ, и выстрѣлилъ сначала самъ; потомъ, зарядивъ ружье послабѣе, далъ мнѣ, объяснивъ пріемъ. Я выстрѣлилъ мужественно и попалъ въ цѣль вполнѣ удовлетворительно. Съ живѣйшею радостью сорвавъ листъ бумаги, испещренный дробью, я показалъ его отцу, смотрѣвшему изъ окна на мою стрѣльбу. Онъ похвалилъ мой первый опытъ.

Я началъ стрѣлять! Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ цѣль, я обратилъ свое оружіе противъ воронъ, галокъ, голубей, воробьевъ и другихъ пернатыхъ. Досталось имъ отъ меня! Только чайки, которыхъ приходилось стрѣлять на лету, или въ моментъ, когда онѣ опускались схватить рыбку, мало страдали отъ моихъ выстрѣловъ. Стрѣлять на лету выучился я не скоро, потому что цѣлилъ въ самую птицу, а не бралъ впередъ и не имѣлъ понятія о стрѣльбѣ на прикидку.

Страсть къ ружейной охотѣ имѣла большое вліяніе на многое въ моей жизни: много сдѣлало мнѣ вреда впослѣдствіи сближеніе съ людьми, съ которыми кромѣ охоты я не имѣлъ ничего общаго. Но объ этомъ скажу впослѣдствіи, а теперь замѣчу лишь то, что охота понародила моимъ учебнымъ и всѣмъ другимъ занятіямъ вообще, не исключая ни живописи, ни занятій наящною словесностью.

Я началъ посвящать своей конной забавѣ почти все свободное время, т. е. часовъ отъ 3—4 въ лѣтній день, а въ праздничные и болѣе. Наступила осень,

зима, но и она удерживала меня только сильными морозами и вьюгами отъ стрѣльбы по снѣгирямъ, воронамъ, воробьямъ и т. п. Напрасно мой учитель рисованія, Некрасовъ, видя, что я отдаю предпочтеніе ружью передъ кистью, обращался ко мнѣ съ воззваніемъ: „бросьте вы наше сіеротво! занимайтесь живописью!“ Голосъ его оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Приближалась весна; мнѣ купили новое ружье, тоже кремневое, но которое впослѣдствіи передѣлано было на пистонное. Оно было много лучше прежняго, и трофеи моей стрѣльбы сдѣлались многочисленнѣе. Особенно памятенъ мнѣ удачный выстрѣлъ изъ этого ружья по двумъ чибисамъ, прилетѣвшимъ на болотистое мѣстечко на берегу рѣки: они сидѣли рядомъ, когда я подплылъ къ нимъ на лодкѣ, и боясь, чтобы они не улетѣли, выстрѣлилъ издалека, саженъ за двадцать, если не болѣе. Каковъ же былъ восторгъ мой, когда я увидѣлъ обоихъ чибисовъ, пораженныхъ моимъ выстрѣломъ наповалъ! Я едва не выпрыгнулъ изъ лодки! Съ тріумфомъ принесъ я домой эту первую дичь, пораженную мною.

Еще памятенъ мнѣ одинъ удачный выстрѣлъ по куличкамъ: въ пасмурное, туманное осеннее утро, идя по берегу Москвы рѣки, я услышалъ серебристый свистъ нѣсколькихъ куличковъ. Притаясь за глыбою отвалившейся отъ горы глинистой земли, я зорко посмотрѣлъ кругомъ и вдругъ увидѣлъ подлетающую ко мнѣ небольшую кучку куличковъ, которые сѣли на выстрѣлъ отъ меня. Едва они успѣли опуститься, какъ я выстрѣлилъ, и семь куличковъ остались на мѣстѣ. Съ какимъ волненіемъ, торопливостью и восторгомъ подбиралъ я убитыхъ и ловилъ подстрѣленныхъ!

Словомъ, я пристрастился къ слабому подобію охоты: настоящая охота была еще далеко, далеко!... Итакъ, почая страсть моя начали серьезно мѣшать всѣмъ другимъ моимъ занятіямъ, въ особенности учебнымъ. Бывали и прежде дни, когда я плохо приготовлялъ уроки: теперь это начало случаться чаще и чаще. Учитель мой, Н. В. Богдановъ, былъ довольно снисходителенъ, но, какъ добросовѣстный человѣкъ, не желая брать деньги за уроки, приносившіе такъ мало пользы учащемуся, началъ относиться ко мнѣ строже. Однажды, когда я приготовилъ плохо заданный мнѣ урокъ, да и въ классѣ былъ разсѣянъ и невнимателенъ, онъ написалъ въ отмѣткѣ: „безуспѣшно“. На бѣду мою, въ этотъ самый день послѣ классовъ я хотѣлъ отпроситься у отца въ Гофелеву рощу, гдѣ по соглашенію съ жандармскими офицерами мы должны были сойтись. Это было отчасти причиной моей разсѣянности: дятлы, голуби, чайки и кулики занимали меня болѣе учебныхъ предметовъ.

Видя аттестатъ, написанный Богдановымъ, я не сомнѣвался, что отецъ не позволитъ мнѣ отлучиться, и что вмѣсто всѣхъ предполагаемыхъ удовольствій, мнѣ придется сидѣть дома и заниматься приготовленіемъ новыхъ и повторе-

ніемъ прежнихъ уроковъ, плохо приготовленныхъ мною. Какъ выйти изъ такой дилеммы? Во мнѣ происходила борьба недолгая, но упорная. Я, говоря вообще, былъ мальчикъ честный, но соблазнъ былъ силенъ, и я не устоялъ; я рѣшился на мелкую и глупую хитрость: обмакнувъ перо, я положилъ на несчастное „два" крупную каплю чернилъ, и когда отецъ спросилъ у меня тетрадь съ отмѣтками,—подалъ ее ему съ смущеніемъ, чувствуя, что сдѣлалъ дурно. „Что это?" спросилъ отецъ, указывая на чернильное пятно. Я запнулся.—„Что это?" повторилъ отецъ, указывая на слово „успѣшно".—„Успѣшно", прочелъ и тихо, съ смущеніемъ. Обыкновенно кроткій и снисходительный отецъ мой разсердился: фальши и низости онъ не терпѣлъ. Онъ толкнулъ меня, почти ударилъ рукою, державшею тетрадь, и грозно произнесъ: „пошелъ вонъ!" Я испугался, заплакалъ, упалъ на колѣни, прося прощенія... Прибѣжала мать.—„Возьми его, сказалъ отецъ,—и чтобы онъ не смѣлъ мнѣ показываться!" Въ тонѣ голоса отца и выраженіи лица его, обыкновенно кроткихъ, было столько гнѣвнаго и непреклоннаго, что мать моя, ничего не возражая и не спрашивая, молча увела меня поскорѣе... Помните, это было въ субботу; воскресенье я провелъ такъ же, какъ и вечеръ субботы, не показываясь отцу, и подавленный какъ его гнѣвомъ, такъ и пробудившимся сознаніемъ тяжести моей вины. До совершенія ея, увлекаемый желаніемъ удовлетворить своей страсти къ охотѣ, легкомысленно и разсѣянно относясь къ тому, что готовился сдѣлать, я все-таки чувствовалъ и сознавалъ, что дѣлаю дурное дѣло, и положилъ роковую каплю чернилъ, послѣ колебаній и нерѣшимости, съ отвращеніемъ. Но, повторяю, страстишка преодолѣла, и скверное дѣло было сдѣлано. Теперь, оставался большею частью одинъ, безъ книгъ,—отецъ запретилъ давать ихъ мнѣ—я предавался на досугѣ моимъ грустнымъ и, могу сказать, мрачнымъ размышленіямъ о томъ, что сдѣлалъ.

Утромъ въ понедѣльникъ не было никого изъ учителей, не помню почему, но часу въ 4-мъ пріѣхалъ Некрасовъ, учитель рисованія. Отецъ принялъ его въ своей спальнѣ; я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и могъ отъ слова до слова слышать ихъ разговоръ. Отецъ сказалъ Некрасову, что прекращаетъ ученіе мое, котораго я недостоинъ. Я горько заплакалъ, услышавъ эти слова отца. Некрасовъ выразилъ, какъ умѣлъ, сожалѣніе о случившемся. Отецъ, по обыкновенію, пригласилъ его обѣдать. Я не присутствовалъ при ихъ обѣдѣ. На четвертый день или въ понедѣльникъ вечеромъ отецъ позвалъ мать и меня: „такъ какъ ты не стоишь того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ, да и самъ того не хочешь, то отправляйся въ людскую." Мать взяла со стула сѣрый, крестьянскаго сукна, армякъ и сказала, чтобы я надѣлъ его. Я зарыдалъ, бросился на колѣни, началъ просить прощенія, мать присоединила свои просьбы къ моимъ, и наконецъ справедливый гнѣвъ отца моего смягчился; онъ простилъ

мои, но сказалъ съ твердостью: „на этотъ разъ я тебя прощаю, но смотри, чтобы ничего подобнаго впередъ не было; я могу прощать шалости, даже лѣнь, но низости не прощу. Мой сынъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ, иначе онъ не сынъ мой".

Это происшествіе оставило благопріятный слѣдъ: впечатлѣніе, имъ на меня сдѣланное, было сильно и глубоко. Если я на немъ остановился и разсказалъ возможно подробно, то потому, что случай этотъ характеризуетъ моего отца. То, что онъ отнесся къ поступку моему строго, было съ его стороны не фразою, а вытекало изъ искренняго убѣжденія.

Послѣ этого на нѣкоторое время учебныя занятія мои пошли лучше, но понемногу: явилась новая помѣха моимъ занятіямъ: химія или лучше сказать алхимія занила меня.

Если скромныя воспоминанія мои попадутся кому нибудь въ руки, и терпѣливый читатель дойдетъ до предшествующей страницы, ему покажется крайне смѣшно, что мальчикъ моихъ лѣтъ началъ заниматься алхиміей. Мнѣ и самому это казалось впослѣдствіи очень, очень смѣшнымъ, но въ то время я принялся за „дѣло" съ усердіемъ и увлеченіемъ. На бѣду мою, въ библіотекѣ моего отца были книги: „Открытыя тайны древнихъ магиковъ". Это былъ сборникъ въ нѣсколько томовъ, въ которомъ рядомъ съ кое-какими свѣдѣніями по части химіи и физики находились фокусы, не лишенные занимательности для дѣтей, и, кромѣ того, бредни алхимиковъ о философскомъ камнѣ и т. п. Вотъ это-то и понравилось мнѣ, это-то и подѣйствовало на мое воображеніе. Превращеніе „неблагородныхъ" металловъ въ золото и др. „благородные" металлы показалось мнѣ пріятнымъ и полезнымъ. Склонность, стремленіе къ необыкновенному, чудесному—удѣлъ не однихъ только дѣтей. Теофрастъ, Парацельзъ, Нострадамусъ и столько другихъ, несомнѣнно даровитыхъ людей, въ то время, когда естественныя науки стояли еще на очень низкой степени, и даже несравненно позднѣе, доказывали, что не одно только пылкое дѣтское воображеніе можетъ увлекаться химерами. Въ наше время появляются же люди, упорно отыскивающіе „вѣчное движеніе". Неудивительно, что 13-лѣтній мальчикъ, начитавшійся „Открытыхъ тайнъ древнихъ магиковъ", проникся желаніемъ открыть философскій камень, и принялся за работу Данаидъ и Сизифа. Не могу однако не замѣтить, что страсти, неудержимаго жара и увлеченія въ работахъ моихъ не было, отчасти потому, что мой ребяческій разумъ возставалъ противъ нелѣпости этого дѣла. Я разсуждалъ объ этомъ такъ: если тутъ есть доля правды, если нѣкоторые пріемы были правильны, цѣлесообразны, то почему же не было до сихъ поръ вполнѣ удовлетворительнаго результата? почему остановились на полдорогѣ? потомули, что убѣдились въ невозможности исполненія того, за что принимались? потомули, что не сумѣли довершить начатаго по недостатку ма-

учныхъ свѣдѣній, скудныхъ въ тѣ времена? Всѣ эти вопросы бродили въ моей ребяческой головѣ, отчасти охлаждая, отчасти подстрекая меня. Какъ бы то ни было, но я принялся за опыты, по возможности секретно и осторожно, чтобы не выдать себя острымъ запахомъ какой нибудь кислоты или спирта. Это сильно мѣшало мнѣ въ моихъ занятіяхъ, но я сознавалъ, что если буду дѣлать мои опыты слишкомъ явно, отецъ запретитъ мнѣ, опасаясь моей неосторожности, пожара, или вреда для здоровья. Мнѣ было очень непріятно скрывать отъ отца мои занятія, но и здѣсь желаніе превозмогло. Я въ этомъ случаѣ утѣшалъ и оправдывалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что если мнѣ удастся, то въ результатѣ будутъ слава и несмѣтное богатство.

Какъ ни былъ я молодъ, но понимать, что въ химіи я совершенный невѣжда, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны, почему и рѣшился начать съ чего нибудь легкаго, чтобы испытать свои способности въ попомъ для меня дѣлѣ. Не припомню, въ чемъ состояли мои первоначальные опыты, но помню, что они были удовлетворительны, и нѣкоторые даже увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Порохъ, наприм., котораго я сдѣлалъ нѣсколько золотниковъ, въ видѣ порошка, былъ вполнѣ хорошъ, то есть силенъ; зернилъ я его плохо. Порохъ и выдалъ меня, какъ разскажу ископъ.

Снабжалъ меня химическими матеріалами Козьма Іоновичъ, о которомъ мнѣ придется упомянуть еще не разъ. Доставалъ онъ все для меня нужное у какого-то, по его словамъ, химика, Василія Ивановича, лица вѣроятно миѳическаго. Чтобы не распространяться безполезно о моихъ безполезныхъ занятіяхъ, скажу только, что никакого „открытія" я не сдѣлалъ разумѣется, а потерялъ напрасно немало времени и отчасти здоровья, вдыхая вредныя испаренія. Не хочу однакожъ, изъ опасенія быть заподозрѣннымъ во лжи, умолчать объ одномъ полу-открытіи, сдѣланномъ мною совершенно случайно и потерянномъ, несмотря на всѣ старанія достигнуть того же результата. Я дѣлалъ нерѣдко опыты со ртутью и однажды получилъ часть ея въ видѣ твердомъ, средней твердости между свинцомъ и оловомъ. Я обрадовался; началъ повторять опыты — напрасно! Была ли ошибка въ количествѣ, во времени или послѣдовательности, въ какой я подмѣшивалъ одно къ другому—не знаю. Всѣхъ ингредіентовъ, сколько помню, было около шести. Впослѣдствіи я потерялъ и кусочекъ твердой ртути. Замѣчу при этомъ, что кромѣ ртути другихъ металловъ рудныхъ и даже никакихъ тутъ не было: это не была сортучка.

Разъ вечеромъ, сидя въ одной комнатѣ съ отцомъ, я открылъ шкатулку, въ которой лежалъ у меня кусокъ пороховой мякоти, величиною въ грецкій орѣхъ. Свѣтильня стоявшей на столѣ свѣчи нѣсколько нагорѣла, послышался слабый трескъ, и искра попала прямо на кусокъ пороховой мякоти, которая вспыхнула съ шумомъ, и огнистый фонтанъ въ нѣсколько вершковъ вышины

вылетѣлъ изъ шкатулки. Я поспѣшно захлюпнулъ крышку, но измѣнница-мякоть все продолжала шипѣть, и пороховой дымъ распространялся по комнатѣ. Отецъ, увидѣвъ вспышку мякоти, спросилъ, что случилось. Я отвѣчалъ искренно; отецъ „произвелъ слѣдствіе“ и отобралъ у меня всѣ мои химическіе матеріалы. Тѣмъ и кончились, къ счастію, мои занятія алхиміею, и я не успѣлъ надѣлать бѣдъ, что случилось бы, по всей вѣроятности, при болѣе продолжительныхъ занятіяхъ. Запрещая мнѣ мои пагубные опыты, отецъ въ утѣшеніе сказалъ мнѣ, что въ свое время я, если захочу, буду заниматься химіею, но научно, подъ руководствомъ человѣка, знающаго эту науку теоретически и практически. Это впрочемъ не осуществилось.

Я вынужденъ возвратиться на два года назадъ, чтобы упомянуть о томъ, что дѣлать я еще до начала моей стрѣльбы и, сколько помню, въ лѣто породъ холеров. Въ 5 или 6-стахъ шагахъ за дачею моего отца, нагорный берегъ Москвы рѣки изъ песчанаго дѣлался глинистымъ и представлялъ крутые, совершенно отвѣсные обрывы въ нѣсколько саженъ вышины. Такъ какъ дача отца моего и окружающая ее мѣстность составляли плоскую возвышенность около 12 саж. вышины, то я, рожденный здѣсь, воображалъ себя горцемъ и въ качествѣ горца счелъ необходимымъ карабкаться по самымъ крутымъ обрывамъ берега. Я попочиналъ это съ успѣхомъ, иногда спрыгивалъ съ 3-хъ, 4-хъ аршинныхъ обрывовъ благополучно, потому что подъ ними былъ обыкновенно слой песку довольно толстый, что и спасало меня отъ ушибовъ и другихъ дурныхъ послѣдствій. Но этого показалось мнѣ мало. Горцы, воображалъ я, должны умѣть преодолѣвать всѣ препятствія, сходить, спускаться съ горъ и взбираться на нихъ гдѣ бы то ни было: препятствій для нихъ не должно существовать. Надавшись такимъ предположеніемъ или, вѣрнѣе сказать, убѣжденіемъ, я рѣшилъ, что необходимо умѣть взбираться на тѣ глинистые, отвѣсные обрывы, о которыхъ я упоминалъ. Но какъ это сдѣлать? Обрывы или положительно отвѣсны, или если и были уклоны, то не болѣе одного аршина на десять. Вотъ на эти то обрывы и рѣшился я вскарабкаться во что бы ни стало. Во многихъ случаяхъ я былъ настойчивъ до упорства. Нужно сказать, что присмотръ за мной былъ очень слабъ, и нерѣдко я бѣгалъ одинъ не только по саду, но и за предѣлами его. Вотъ я и началъ дѣлать опыты влѣзть на крутой обрывъ; но сначала это мнѣ рѣшительно не удавалось, потому что я не употреблялъ никакихъ вспомогательныхъ средствъ. Видя неуспѣхъ, я къ нимъ прибѣгнулъ: сначала я попробовалъ продѣлывать углубленіе, куда можно было бы поставить ногу, при помощи какой нибудь палочки, остраго камня; но дѣло шло плохо. И придумалъ средство болѣе вѣрное: взялъ съ собою обоюдоострый кавказскій кинжалъ и при помощи этого орудія продѣлалъ углубленія вполнѣ удовлетворительныя, вставляя въ которыя ноги, началъ взбираться, послѣдовательно про-

дѣлынная углубленія и забирался все выше и выше. Такъ, на первый разъ я взобрался на высоту 3-хъ или 4-хъ аршинъ; выше показалось мнѣ на первый разъ „жутко". Я спустился по тѣмъ же ступенькамъ, придерживаясь за кинжалъ, который вонзалъ глубоко въ глину. Во вторую и слѣдующія попытки я забирался выше и наконецъ однажды, хотя и съ замираніемъ сердца, достигъ вершины „горы". Я вздохнулъ свободно, когда вступилъ на плоскую вершину и съ радостью и гордостью посмотрѣлъ кругомъ, съ ощущеніемъ важности совершеннаго подвига, преодолѣнной трудности и геройства, которое нужно было для этого. Потомъ и еще не разъ повторилъ мое восхожденіе съ успѣхомъ, но сознавая ясно, что могъ поплатиться жизнью, если бы сорвался съ такой высоты, да еще съ кинжаломъ въ рукѣ.

Я разсказалъ одинъ изъ тѣхъ фактовъ, рядъ которыхъ, проходя черезъ всю мою жизнь, въ формахъ очень разнообразныхъ, привелъ меня къ твердому и глубокому убѣжденію, что еслибы люди внимательнѣе относились къ тому, сколькимъ опасностямъ подвергается человѣкъ и не погибаетъ, то выраженіе „Богъ спасъ" не казалось бы для нихъ страннымъ. Кто читалъ внимательно историческія монографіи и біографіи людей замѣчательныхъ, тотъ не можетъ не знать, что порѣдко люди, подвергавшіе жизнь свою опасностямъ, въ качествѣ военныхъ, моряковъ, охотниковъ за крупнымъ звѣремъ и т. п.—умирали въ глубокой старости, чудеснымъ образомъ сохранясь отъ смерти, угрожавшей имъ десятки разъ. Съ другой стороны, люди, видавшіеся десятки разъ почти на вѣрную смерть, ни разу не раненые, какъ Милорадовичъ, Мюратъ и др. — гибли неожиданно такъ и тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали. Вспомнимъ Дюмонъ-Дюрвиля, Клина и др., и невольно закрадется въ душу нѣчто, похожее на вѣру въ фатумъ.

. . . . . сказалъ однажды человѣкъ, весьма скептически относившійся ко многимъ вопросамъ религіознымъ. Я не скажу того же, потому что здѣсь, какъ и всегда почти у этого человѣка, выразилось опять-таки сомнѣніе. Человѣкъ не пѣшка въ рукахъ Провидѣнія; человѣку, очевидно, дана свободная воля, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, а за ними — судьба, т. е. воля Провидѣнія. Къ этому вопросу я еще возвращусь въ свое время, когда говорить объ этомъ будетъ болѣе умѣстно, нежели теперь, а здѣсь приведу только два стиха изъ драматическаго произведенія гр. Е. Ростопчиной, произведенія, заглавіе котораго, за давностью, я забылъ:

. . . . . „Провидѣніе предвидитъ—
„Но не рѣшаетъ ничего за насъ."

Такъ ли, читатель? Какого вы мнѣнія о мысли, здѣсь высказанной?

Возвращаюсь къ моему разсказу. Я упомянулъ уже, что началъ заниматься гравированіемъ; наставникомъ моимъ въ этомъ искусствѣ былъ довольно хоро-

ній граверъ Осиповъ, работавшій много по заказамъ отца моего для его „собранія портретовъ Россіянъ знаменитыхъ." Портретъ отца моего, работы Осипова съ оригинала, писаннаго масляными красками извѣстнымъ портретистомъ начала царствованія Александра I-го — Кинселемъ, хранится у меня, такъ же какъ оригинальный, карандашемъ нарисованный, портретъ отца, работы Кинселя же, и съ него гравированный на мѣди. Эта доска у меня; другая, работы Пендрамини, къ сожалѣнію, утратилась, по отпечатокъ уцѣлѣлъ.

Я напгравировалъ подъ руководствомъ Осипова 18 гравюръ, изъ которыхъ 16 было „крѣпкой водой", а 2 „карандашнымъ манеромъ" — какъ называлъ мой наставникъ. Двѣ или три послѣднія были довольно удачны: видъ замка на небольшомъ возвышеніи, поросшемъ деревьями, и лежащая фигура молодаго человѣка--мнѣ памятнѣе другихъ. Прочія были слабы; карандашныя совсѣмъ не удались. Гравировалъ я впрочемъ мало, потому что Осиповъ бывалъ рѣдко. Я упомянулъ о томъ, что училси гравировать, не для того только, чтобы изъ пустаго тщеславія перечислить мои разнообразныя занятія, но потому что объ этомъ мнѣ придется еще коснуться въ свое время.

Время шло. Настали 1834-й годъ. Этотъ годъ памятенъ московскимъ старожиламъ. Съ половины мая или приблизительно съ этого времени началась продолжительная постоянная засуха и жары.

1832-й годъ ознаменованъ былъ для меня слѣдующими „событіями". Отецъ мой пригласилъ однажды нотаріуса или маклера, не припомню, и по нѣкоторомъ совѣщаніи съ нимъ, при которомъ я не присутствовалъ, отпустилъ его, давъ ему какое-то порученіе. Черезъ нѣсколько дней нотаріусъ опять пріѣхалъ съ большою книгою. Отецъ мой, проведя съ нимъ нѣсколько минутъ, позвалъ меня и сказалъ, чтобы я писалъ, причемъ продиктовалъ мнѣ мою фамилію „Кетовъ". „Кетовъ? какъ Кетовъ?" спросилъ я изумленный, оборотясь къ отцу. „Да, да, скороговоркою проговорилъ отецъ,—пиши, пиши". Я подписалъ. До этой минуты я считалъ себя Бекетовымъ.

Изъ этого одного видно, въ какой степени я не зналъ и не понималъ вещей самыхъ простыхъ, а въ то же время, будучи до такой степени непрактичнымъ, ребенкомъ, я, марая бумагу, воображалъ, что занимаюсь литературою.

Оказалось, что маклеръ привозилъ заемное письмо, написанное отцомъ на мое имя, въ шесть тысячъ руб. ас. Когда я опросилъ потомъ отца, для чего это,--онъ сказалъ, что по смерти его я получу эти деньги. Я очень огорчился и хотѣлъ разорвать заемное письмо, но отецъ остановилъ меня, сказавъ, что отъ этого заемнаго письма смерть его не ускорится, а что если я изорву документъ, то придется писать его вторично, вызывать маклера и т. д., словомъ, что это будетъ только причиною напрасныхъ двойныхъ расходовъ. Впрочемъ,

отецъ похвалилъ мой порывъ, погладилъ меня по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ, что документъ остаки нужно поберечь.

Здѣсь считаю нужнымъ и умѣстнымъ упомянуть, что отецъ хотѣлъ меня усыновить, что легко было сдѣлать при Александрѣ I-мъ, когда препятствій къ этому почти не представлялось. Но намѣреніе отца осталось неисполненнымъ, что совершенно измѣнило мою будущность — къ лучшему или нѣтъ — знаетъ одинъ Богъ, но вѣроятно къ лучшему, потому что при моей страстности, получивъ большія средства, я вѣроятно погибъ бы жертвою страстей, имѣя средства къ ихъ удовлетворенію. Почему въ то время, когда дѣло усыновленія было легко, отецъ этого не сдѣлалъ — не знаю. Можетъ быть потому, что я былъ слишкомъ малъ и т. ск. не опредѣлился, или почему либо другому. При Александрѣ I-мъ Балашовъ, дядя моего отца, былъ въ большой силѣ, но захотѣлъ ли бы онъ содѣйствовать въ этомъ отцу? На это можно, кажется, отвѣчать отрицательно. Что наслѣдство Ивана Петровича Бекетова должно было перейти къ Балашовымъ и Кушниковымъ, въ этомъ не было сомнѣнія. Наслѣдство Петра Петровича, также не имѣвшаго законныхъ наслѣдниковъ, должно было равно перейти къ нимъ же.—слѣд. и. усыновленный, сдѣлался бы препятствіемъ. Отецъ съ нѣкоторою вѣроятностью могъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ лишь на помощь Дмитріева, ничѣмъ здѣсь не заинтересованнаго и находившагося съ отцомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Не припомню, за сколько времени до этого года, на мѣсто бывшаго въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ Муханова, человѣка благонамѣреннаго, благороднаго и благовоспитаннаго, принявшаго должность не съ цѣлью „покормиться", а напротивъ, съ желаніемъ облагородить эту должность,—былъ назначенъ свитскій генералъ-маіоръ Цынскій. Вскорѣ по вступленіи его въ должность, къ отцу моему пріѣхалъ И. И. Дмитріевъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся новаго оберъ-полиціймейстера. „Кто этотъ Цынскій? спросилъ отецъ: я въ первый разъ слышу эту фамилію". Помнится, но не утверждаю навѣрно, что Дмитріевъ сказалъ о Цынскомъ, что онъ побочный сынъ актрисы Вѣтрашинской,—повторяю,—навѣрно не помню, но вотъ что я помню ясно: Дмитріевъ разсказалъ отцу моему, что при сдачѣ должности Мухановъ былъ вынужденъ заплатить за неисправность пожарныхъ инструментовъ, лошадей и т. п. около 80 т. руб. Въ данную минуту Мухановъ не имѣлъ налицо этой суммы и вынужденъ былъ обратиться къ дядѣ своему, сенатору Муханову, съ просьбою ссудить ему нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, недостающихъ для уплаты 80 т. р. Сенаторъ Мухановъ, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, не затруднился исполнить просьбу племянника, но высказалъ ему при этомъ слѣдующее: что не жалѣетъ о деньгахъ, которыя племянникъ вынужденъ заплатить своему преемнику, что это должное ему наказаніе за то, что принялъ такую должность, что Муханову

неприлично было идти въ „будочники", и что это мѣсто, которое могутъ занимать подобные какому нибудь „Савискому", а не Муханову. Таково было воззрѣніе старыхъ бояръ того времени, туловъ, на полицейскія должности, не исключая оберъ-полицмейстерской. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, измѣнилось и отношеніе общества къ этой должности, и она послѣ Цынскаго была занимаема людьми такими какъ Лужинъ, графъ Крейцъ, князь Кропоткинъ и др.

Цынскій былъ извѣстенъ, вообще, какъ человѣкъ болѣе чѣмъ сомнительной честности, нахальный, грубый, злой и жестокій. Говорили, и не безъ основанія, что онъ нарочно пріѣзжалъ присутствовать при тѣлесныхъ наказаніяхъ, если они того заслуживали, т. е. если съ человѣка, какъ говорилось, спускали шкуру, и что видѣть подобныя экзекуціи составляло для него наслажденіе. Любилъ онъ, какъ разсказывали, и собственноручныя расправы, которыя, впрочемъ, не всегда оканчивались для Цынскаго успѣшно. Какой-то кавалерійскій офицеръ находился подъ судомъ и сидѣлъ въ тюремномъ замкѣ. Преступленіе его было таково, что осужденіе его не подлежало сомнѣнію. Цынскій, осматривая арестантовъ, или не помню почему, — зашелъ и въ его камору; началъ ругать его площадными словами, а за рѣзкій отвѣтъ замахнулся, но прежде чѣмъ успѣлъ ударить, — арестантъ самъ далъ ему двѣ-три жестокія пощечины и сорвалъ эполеты, вскричавъ: „ахъ, ты, ракалія! Я, пока еще не разжалованъ, такой же дворянинъ и офицеръ, какъ и ты, мерзавецъ!" Въ другой разъ какой-то сорви-голова, мѣщанинъ, тоже въ тюремномъ замкѣ, подъ предлогомъ сообщенія оберъ-полиціймейстеру важной тайны, оставшись съ нимъ наединѣ, едва не задушилъ его, и Цынскаго не безъ труда вырвали изъ сильныхъ рукъ ожесточеннаго преступника. Кто читалъ оберъ-полиціймейстерскіе отчеты того времени, тотъ могъ безъ труда измѣрить ту степень, до какой доходило казнокрадство Цынскаго. Чего стоили, напр., вибивка льдомъ погребовъ въ казенныхъ домахъ, *очищеніе отхожихъ мѣстъ и т. п. О поборахъ* его ск. откупщиковъ разсказывали за вѣрное слѣдующее: когда довѣренные ихъ лица явились къ новому оберъ-п. съ обычнымъ приношеніемъ, Цынскій, принявъ поднесенныя ему 80 т. руб., спросилъ, какую сумму жертвуютъ они на остальныхъ полицейскихъ чиновниковъ. „В. пр-во, отвѣчали ему, эта сумма ровна той, которую мы имѣли честь представить в. пр-ву". — „Хорошо, сказалъ Цынскій, но такъ какъ мнѣ лучше извѣстно, кто изъ подвѣдомственныхъ мнѣ полицейскихъ чиновниковъ заслуживаетъ награды и въ какой мѣрѣ, то вы доставьте эту сумму мнѣ, а я распредѣлю награды сообразно заслугамъ и достоинствамъ полицейскихъ чиновниковъ между моими подчиненными". Повѣренные не посмѣли возражать, предоставили рѣшеніе дѣла самимъ откупщикамъ, а тѣ нашли неудобнымъ отказать Цынскому, и онъ вмѣсто 80 назначилъ получать ежегодно по 60 т. руб.

Мнѣ никогда не пришлось сказать двухъ словъ съ почтеннымъ оберъ-полиціймейстеромъ, хотя въ театрѣ, гдѣ большею частью я бралъ кресло въ первомъ ряду, мнѣ нерѣдко приходилось сидѣть отъ него черезъ два и одно кресло, нерѣдко пустое. Физіономія его была очень непріятная: изношенный, блѣдный, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, въ черномъ парикѣ, съ крашеными усами, морщинистый, съ злымъ и бездушнымъ выраженіемъ, онъ внушалъ всякому порядочному человѣку антипатію, доходившую до отвращенія. Въ своемъ мѣстѣ я еще окажу о Цынскомъ нѣсколько словъ, и даже вскорѣ мнѣ придется сказать объ одномъ его поступкѣ.

Страшная засуха, стоявшая въ 1884 г. съ половины или конца мая, способствовала пожарамъ и поджогамъ. Пожары начались. Они были многочисленны и нѣкоторые значительны по числу сгорѣвшихъ строеній: въ Лефортовѣ, гдѣ-то около Крестовской заставы и другіе, но самый ужасный былъ истребившій Рогожскую улицу. Изъ нашего дома или сада, съ возвышенія, видна была, какъ я сказалъ уже, вся Москва, и мы могли видѣть какъ днемъ, такъ и вечеромъ, каждый или почти каждый пожаръ. Не припомню котораго числа, и даже не увѣренъ въ іюнѣ ли, горѣла Рогожская, но живо помню, какъ теперь гляжу, что часовъ въ 9 утра пожаръ свирѣпствовалъ уже сильно. Рогожская, относительно мѣстности, гдѣ находилась дача моего отца, видна была въ профиль, почти безъ всякаго ракурса, и огонь, охватившій уже нѣсколько десятковъ домовъ, разливался рѣкою, и темный, густой дымъ клубился или разстилался надъ ними, гонимый по временамъ порывами восточнаго вѣтра. Картина была ужасная, но величавая. Казалось, что пожаръ съ неудержимою силою норовится въ самый центръ Москвы и испепелитъ ее, какъ пожаръ 12-го года. При знойномъ днѣ жаръ отъ горѣвшихъ строеній былъ такъ нестерпимъ и распространялся такъ далеко, что препятствовалъ дѣйствію пожарныхъ командъ, и онѣ, по увѣренію очевидцевъ, ограничивались тѣмъ, что, стоя параллельно отъ огненной рѣкѣ, отстаивали дома съ боковъ пожара и поливали тѣ, которые были на пути его, подъ вѣтромъ, гдѣ еще было возможно. Сгорѣло, помнится, около двухсотъ домовъ; но обошлось и безъ сгорѣвшихъ людей. Помню пожаръ Всесвятскаго, которое выгорѣло почти совершенно. Пожары были ежедневны: горѣло иногда въ разныхъ концахъ города, разомъ въ 4—5 мѣстахъ, что затрудняло чрезвычайно дѣйствіе пожарныхъ командъ. День, въ который сгорѣло два-три дома, считался уже почти благополучнымъ. Сначала пожары приписывали только неосторожности и засухѣ, но когда начали горѣть холостыя строенія, и съ нихъ начинались пожары, — заговорили о поджогахъ. Скоро слухи приняли характеръ утвердительный, настойчивый. Подозрѣнія въ зажигательствѣ зародились наконецъ въ умахъ, несклонныхъ къ паникѣ и пессимизму. Цынскій свирѣпствовалъ, выходилъ изъ себя, какъ потому, что пожары не давали ему покоя, такъ и по-

тому, что зажигатели, о которыхъ говорили всѣ, не попадались и продолжали свое дѣло, надѣваясь налъ усиліями полиціи. Однажды, не припомню на какой улицѣ, майоръ Сомовъ шелъ съ своею невѣстою, возвращаясь въ домъ будущаго тестя. Они были уже недалеко, когда загорѣлся еще недостроенный нежилой домъ; Сомовъ остановился посмотрѣть, и это было для него гибельно. Народъ, страшно раздраженный противъ зажигателей, которыхъ полиціи не могла открыть, начиналъ уже самоуправствовать. Такъ случилось и теперь. Съ крикомъ: „вотъ зажигатель!“ — нѣсколько человѣкъ бросились на несчастнаго Сомова и начали его бить. Не припомню, упала ли невѣста его къ обморокъ, или начала звать на помощь. Толпа быстро возрастала, и вскорѣ показался скачущій на пожаръ Цынскій, бывшій гдѣ-то неподалеку. Услышавъ, что схватили зажигателя, онъ, вмѣсто того чтобы остановить самоуправство и разобрать въ чемъ дѣло, съ бѣшенствомъ закричалъ и безъ того разсвирѣпѣвшей толпѣ: „бейте его, бейте!“ Въ это время въ толпу втѣснился отецъ невѣсты Сомова и увидѣлъ, что безпощадно бьютъ, бьютъ на смерть жениха его дочери, обратился къ полиціи, къ оберъ-полиціймейстеру, и при помощи ихъ, къ сожалѣнію поздней, успѣлъ вырвать изъ рукъ ожесточенной толпы избитаго, едва живаго Сомова. Его перенесли въ домъ отца невѣсты, который слышалъ яростные возгласы Цынскаго. Раздраженный и взволнованный, онъ написалъ на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ излагалъ дѣло. Цынскій, зная, что этотъ господинъ—человѣкъ со связями, и узнавъ о намѣреніи его подать прошеніе на имя Государя, увидѣлъ, что дѣло можетъ принять оборотъ, для него невыгодный, — бросился въ домъ, гдѣ томился несчастный Сомовъ. Встрѣченный сурово отцомъ его невѣсты, Цынскій смирилъ свою обыкновенную гордость, началъ объясняться и оправдываться, но тотъ въ отвѣтъ показалъ ему прошеніе на Высочайшее имя. Увидѣвъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, оберъ-полиціймейстеръ униженно началъ просить прощенія, говорить, ползалъ на колѣняхъ, умоляя о прощеніи, и наконецъ умирающій простилъ его и упросилъ отца невѣсты не давать дальнѣйшаго хода дѣлу. Тѣмъ это и кончилось. Не ручаюсь за несомнѣнность приведеннаго разсказа, но говорили объ этомъ единогласно многіе, въ числѣ которыхъ были люди достойные вѣроятія.

Паника тяготѣла налъ жителями Москвы: многіе держали большую часть своего имущества уложенную какъ въ дорогу, въ чемоданахъ, сундукахъ, узлахъ, чтобы имѣть возможность вынести его при началѣ пожара. По ночамъ составлялись изъ жителей караулы, независимо отъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ. Зорко слѣдили за подозрительными людьми, и не одинъ, подобно Сомову, поплатился жизнью, заподозрѣнный въ зажигательствѣ. Раздраженіе достигло такой степени, что самаго незначительнаго повода было достаточно, чтобы пасть жертвою народной ярости. Иногда поводы къ подозрѣнію были

крайне потѣпи.—Какой-то несчастный лакей несъ пару подсвѣчи иконъ, незавернутыхъ въ бумагу. Его схватили и избили, какъ зажигателя. Многіе попадались за то, что имѣли при себѣ спички, трутъ, огниво...

Настала осень, потли дожди, а пожары не прекращались. Стали говорить о пріѣздѣ въ Москву императора Николая, и жители ободрились. Надѣялись, что присутствіе Государя разомъ прекратитъ пожары, заставивъ полицію усилить бдительность и дѣятельность, но вначалѣ надежды не оправдались. Въ день пріѣзда Государя было 4 пожара въ разныхъ концахъ города, но это были уже если не послѣдніе пожары, то изъ послѣднихъ: они начали становиться рѣже и вскорѣ прекратились. Пріѣздъ Государя не остался безъ благопріятныхъ послѣдствій: начали погонаринать о поимкѣ зажигателей въ значительномъ числѣ. Не знаю, обманываетъ ли меня память или нѣтъ, но кажется, что въ газетахъ было объявленіе о поимкѣ шестидесяти зажигателей, судѣ надъ ними и наказаніи. Причиною поджоговъ было то, что пожары, производя смятеніе, способствовали воровству и грабежу. Повторяю, что не увѣренъ, было ли о томъ сообщено въ газетахъ, или это былъ лишь слухъ, но имѣвшій основаніе прочное. Съ прекращеніемъ пожаровъ всѣ вздохнули свободнѣе; жизнь вошла въ обычную колею.

Симоновская слобода, наша резиденція, была пощажена пожарами. Сколько могу припомнить, все пространство отъ пороховыхъ складовъ до Крутицкихъ казармъ также уцѣлѣло. Вѣроятно, надзоръ жандармовъ былъ здѣсь не безъ вліянія на дѣло.